

7я

СЕМЬЯ И

6.2010

ШКОЛА

Игры на даче

страница

37

Любить нельзя

ругать

страница

22

Голоса из мёртвой
деревни

страница

14

Сказка о табу

страница

30

журнал для родителей

Фото Владимира Воронова

7Я

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Журнал
для родителей

Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:

Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),

Л. А. Комарова
(художественный
редактор),

Н. С. Мавлевиц
(школа и общество),

Л. Ф. Осипова
(культура),

В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Н. П. Солошеч

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 6 (июнь) 2010

Подписано в печать 2 июня 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 6200 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2010

На обложке:
фото Елены Боковой

В номере:

Советы и рекомендации

Екатерина Мурашова
**Валера — способный,
но ленивый...**

10

Мальчик явно одаренный от природы. Ему интересно «много всего». Но у него не складывается учеба в школе и не формируются устойчивые познавательные интересы

Владимир Леви
О чувстве справедливости

13

Обостренному чувству справедливости у ребенка, замеченному со стороны, можно лишь радоваться. Это означает, что у него душа живая и чуткая, не слишком легко поддающаяся социальному зомбированию

Елена Никитина
Любить нельзя ругать

22

Любого человека надо хвалить — тогда и крылышки отрастают, и почерк красивей становится, и даже солнышко светит ярче. Мама — это тот человек, который всегда за своего ребенка, сколько бы ему ни было лет

Повод к размышлению

Наталья Машер
**О дрессировке ёжиков
и уроках самовыражения**

2

Беседа с Валерием Пазыниным — учителем русского языка и литературы, кандидатом филологических наук, обладателем звания «Учитель года»

Вокруг развития и воспитания

4

Борис Бим-Бад
Мои школьные учителя

8

Взгляд, брошенный через десятилетия. Дорогие мои, любимые мои учителя, сколь многим обязаны многие такие, как я, вашему терпеливому подвигу, боже мой...

Людмила Самойлова
Голоса из мёртвой деревни

14

Когда же началось разорение земли? Я не хочу уходить в далекое прошлое. Я рассказываю о людях, которых знала, и о том, что знали они...

Чтение

Мариэтта Чудакова
Страна Твардовского

18

К столетию со дня рождения поэта

Андрей Хржановский
ПНР, моя панорама

28

Есть в языке кинематографистов словечко ПНР. Этим сокращением обозначается обзорное движение камеры, панорама. Вот и я мысленно делаю такое движение, оглядывая свою комнату...

Редьярд Киплинг
Сказка о табу

30

Это заключительная сказка миницикла о Тегумае и его дочке, куда входят «Как было написано первое письмо» и «Как был создан алфавит». Прототипами главных героев были сам Киплинг и его старшая дочь

Лия Осипова
Гойя

40

Гойя — человек такого сложного характера и такого масштаба дарования, что характеристикам, кажется, не поддается...

Домашние занятия

Кухня

36

Сделаем это по-быстрому

Развлечения

37

Летом на даче

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах России получают журнал благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

О дрессировке ёжиков и уроках самовыражения

Обычный урок Валерия Пазынина

Наталья Машер

«Навсегда порывая в стенах Лицея с иждивенческой леностью мысли забитого и озлобленного школьника, я клянусь: всегда пытаться проникнуть в суть окружающего мира, а не судить его огульно, ибо все в мире сложно и неоднозначно и требует от человека пытливости и доброты... всегда уважать в родителях, старших товарищах и учителях живых людей, и не воспринимать их как бездушные машины для обучения и нагнетания скуки», — полсотни восьмиклассников хором произносили слова клятвы. Ею завершился сложный и веселый ежегодный обряд посвящения в лицеисты.

Услышав такое, было просто невозможно не попробовать увидеть своими глазами, как проходят уроки в московском лицее № 1553, он же Лицей на Донской, как складываются отношения между отрекшимися от лености мысли и решившими проникнуть в суть мира учениками и непохожими на машины для нагнетания скуки учителями. Об одном из них я слышала уже давно, а тут подвернулся случай посетить его открытый урок в восьмом классе.

Валерий Вячеславович Пазынин — учитель русского языка и литературы, преподаватель польского языка (факультативный курс), кандидат филологических наук, обладатель звания «Учитель года–2006». В 1995 году он закончил Лицей на Донской (который тогда назывался Донской гимназией), а после окончания МГУ вернулся сюда же учителем.

Тема урока — приложение. Не повезло. Бабушка-старушка... Река Волга... Онегин, добрый мой приятель... Тоска зеленая. А для начала, конечно, определение из учебника. Вот тут меня и ждал первый сюрприз: оказалось, детям было задано не выучить правило в рамочке, а найти в нем логическое противоречие. И они нашли: в первом абзаце сказано, что приложения должны быть согласованы с определяемым словом, а во втором — что они бывают несогласованными. Тут же совме-

стно выработали новую, научно обоснованную формулировку. А затем учитель прикрепил к доске репродукцию картины Левитана «Цветущие яблони» и пригласил весь класс поиграть в весеннем саду. Надо было придумать согласованные и несогласованные, распространенные и нераспространенные определения и приложения, употребительные в художественном тексте, записать их, а потом прочесть вслух, но не говорить, к чему они относятся, — пусть другие угадывают. Через пять минут игра началась. «Тонкая девушка» оказалась яблоней, «волшебная стражница» — ее тенью, «скромная пленница» — скамейкой, «бабочки» — цветами. С образным мышлением у учеников Валерия Вячеславовича явно все в порядке. Правда, в грамматике некоторые пугались, но это послужило поводом кое-что повторить и освежить. Потом нас отпустили на перерыв, после которого был обещан «ход конем». Началась вторая часть урока:

«Ну а теперь с помощью этих определений, своих или позаимствованных у товарищей, составьте художественное описание интерьера».

И очень скоро появились: «скромная пленница вешалка», «шкаф, волшебный стражник», «занавески-бабочки», «спинка кровати с нежными (как у веток яблони) изгибами», «статуетка, тонкая девушка». Признаться, я тоже сыграла в эту игру — уж очень зацепило. Правда, вслух своего варианта не читала.

На дом задали порыться в учебниках, в Интернете, полистать Розенталь и разобраться в правописании приложений. Жаль, что на следующем уроке меня не будет. Я, кажется, за всю жизнь не усвоила, где там запятую положено ставить, где тире, а где дефис. Да и чем отличается тире от дефиса, точно не сказала бы... А вот теперь скажу, нам Валерий Вячеславович объяснил коротко и ясно: тире слова растягивает, а дефис склеивает.

После урока у нас с ним состоялся разговор за кулисами.

— Валерий Вячеславович, меня поразило не только то, как сухая тема превратилась у вас в увлекательную умную игру, но и то, сколько разных сторон предмета оказались затронутыми: от структурной грамматики до стилистики. И назад оглянуться успели, и вперед заглянуть. Я бы подумала, что все это специально приготовлено для открытого урока, если бы не дети. Они с такой готовностью во всем участвовали и явно соображали прямо по ходу дела! А на мой вопрос о показателем уроке только плечами пожали: урок как урок, обыкновенный. Признаюсь, я им даже позавидовала.

— Конечно, это был наш обычный урок. И там выплывало все, что выплывает всегда.

Во-первых, логика самого предмета, который должен разворачиваться в голове у ребенка. Во-вторых, подход к новому материалу: мы обсуждали его в виде вопросов, а не просто читали наизусть то, что написано в рамочке.

— Сократический метод?

— Безусловно. Только организовать такую дискуссию на уроке довольно сложно. Тут нет простого рецепта. Педагогика, в которой мы выросли и которая преподается в педагогических вузах, не позволяет такие вещи делать в принципе. Применяя ее, нельзя добиться того, чтобы материал разворачивался в голове у ребенка как целостная картинка, которую он сам для себя выстраивает, вывод для каждого новое понятие из предыдущего. Вернее, сначала он должен почувствовать необходимость этого нового понятия, потом придумать ему содержание и дать имя.

— Традиционно все происходит иначе: есть заранее приготовленная для усвоения данность, все разнесено по таблицам и правилам, расфасовано по порциям — открывай рот и глотай.

— Старая педагогика решает другие задачи, исходит из другой психологии, философии. Поэтому, чтобы сделать урок содержательным для развития интеллекта ребенка, нужно другое образование: фундаментальное по предмету, который преподаешь, плюс психологическое. Хотя есть учителя и с педагогическим образованием, которые эту ограниченность преодолевают. Для этого нужно изменить саму установку. Одно дело, если твоя цель — транслировать информацию определенного типа, и совсем другое, если ты хочешь, чтобы учение стало активной деятельностью. Тогда надо вернуться к тому, какую, собственно, информацию мы закладываем и как она будет подаваться.

Арсенал средств, с которым молодой учитель сегодня попадает в школу, не соответствует задачам, которые ему придется решать, если, конечно, он видит их не в том, чтобы дети послушно сидели и делали его задания. Уроки, о которых мы говорим, имеют совершенно другое психологическое наполнение. Там дети не просто воспринимают, запоминают и закрепляют материал, они заняты учебной деятельностью.

— А разве заучивание и закрепление не учебная деятельность?

— Деятельность определяется не только объектом, но и субъектом. А учение в самом общем смысле направлено на изменение субъекта. То есть он сам должен в себе что-то целенаправленно менять и преодолевать.

— Судя по лицам субъектов, которых я сегодня наблюдала у вас на уроке, им всем эта деятель-

ность явно нравится. А они ведь наверняка не все сплошь яйцеголовые...

— Нет, конечно, дети очень разные. А почему им интересно? Потому что не память их востребована на уроке, а интеллект, потому что они не запоминают, что я им сказал, а сами должны мне сказать, в чем здесь противоречие, в чем проблема и почему тот абсурд, что написан на страничке про приложение, нельзя понять и запомнить. Они соображают, и то, что они скажут, будет не повторением удачной или неудачной формулировки учебника, а отражением хода их собственной мысли. Поэтому у нас с ними другой тип диалога и отношений: мне интересно, что они скажут, я не знаю этого, когда задаю вопрос, и должен быть готов выслушать очень широкий спектр мнений и решений.

— В течение одного урока несколько раз менялись и сочетались разные регистры, включались то рассудок, то фантазия.

— В школьном предмете «Русский язык» три составляющих. Первая, практическая, которая в основном решается в начальной школе, — это умение перекодировать устную речь в письменную, звуки в буквы, то есть орфография. И у нас есть дети, для которых тут остаются проблемы. Мы вынуждены с этим считаться и постоянно над этим работать, повторять. Вторая составляющая, можно сказать, научная, — грамматика, взгляд на устройство языка с другой точки зрения, и этот материал можно использовать для развития мышления. А третья связана с искусством и творчеством. Мы пытаемся создать условия, при которых дети учились бы пользоваться языком в самых разных ситуациях общения. Естественно, очень большую роль тут играет умение составлять художественный текст, входить в образ, выбирать выразительные средства. Это увлекает опять-таки потому, что требует личной включенности, дает возможность самовыражения. И тут я тоже не знаю, чего ждать. Я предлагаю какие-то средства, но их можно использовать как угодно. Это совсем не то, что дать рыбу сочинения-рассуждения или сочинения-описания, как иногда делается в школе. Мне встречалось такое в методических пособиях. Рассказ-описание строится так: опиши внешние признаки, выскажи свое отношение и сделай вывод. Может, дети что-то и напишут, но это не будет самовыражением. Наша задача — я говорю «наша», потому что считаю себя только одним и наверняка не самым лучшим из сторонников альтернативной педагогики, — так вот, наша задача — разбудить в детях потребность выразить что-то письменно. Чтобы ученик знал: «Я прочитаю то, что написал, и это будет интересно всем, потому что я не так решу вот эту художественную задачу, как другие. Да, я тоже напишу про снежинку или про дождь, но у меня будет другая идея, другой образ».

— Сколько лет вы работаете в школе?

— Девять лет, но сначала у меня таких мыслей не было. Я пришел в школу после филологического факультета МГУ, где занимался фундаментальным языкознанием. У нас, конечно, были хорошие семинары, немножко лекций по педагогике, но этого недостаточно, чтобы начать сознательную практику.

— А вы знали заранее, что вернетесь в тот лицей, где учились сами?

— Нет, это было довольно спонтанное решение. Да и никто из моих здешних коллег в студен-

ческие годы не думал преподавать. Между тем в этой школе практически все закончили МГУ.

— Но из чего-то такое желание родилось?

— В основном из благодарности лицу за то, что он изменил мою жизнь к лучшему, дал мне инструменты мышления, научил тому, как относиться к людям и к своему делу. Когда оказалось, что в лицее есть во мне необходимость, то я подумал, что было бы недурно, если бы я ему тоже чем-то помог. А потом оказалось, что мне самому эта работа дает еще больше, чем лицу, и что, пожалуй, можно и жизнь ей посвятить. Тут такая среда, что в ней не просто хочется развиваться, но и не получается иначе. Все эти годы я занят самообразованием, все время учусь на каких-нибудь курсах, которые выбираю себе сам. Больше всего мне не хватало знаний психологии, и если теперь я что-то начинаю в ней понимать, то это благодаря курсам в центре Нины Федоровны Талызиной в МГУ, на которые я ходил два года каждую субботу.

— Мне все же кажется, для того, чтобы работать в школе, у человека должно быть какое-то особое качество. Как вы думаете, оно вырабатывается, обнаруживается или закладывается от рождения? Может быть, это даже не одно качество, а целый набор: тут и терпение, и артистизм, и умение одинаково ровно относиться к разным детям.

— Многие считают, что есть что-то такое, что называется хваткой. Каждый год к нам приходят студенты пятого курса на педагогическую практику. И сразу видно, у кого эта хватка есть, кто может держать аудиторию, чувствует, если кто-то выпадает.

Это, наверное, уже не наука, а искусство или характер. Хотя характер приходится ломать. Или хотя бы играть роль. У меня, например, характер слишком спокойный, а приходится делать вид, что меня очень волнует, скажем, отсутствие домашней работы.

— Чего вы ждете от своих выпускников? Чтобы они хорошо говорили и писали, чтобы у них был развит интеллект или, может быть, чтобы они пошли по вашим стопам и занялись филологией?

— Я с удовольствием работаю не только с теми, кто потом пойдет в филологию, поскольку не возражаю, чтобы русским языком неплохо владели также и будущие врачи, научные и социальные работники, инженеры — кто угодно. Главное же, я бы хотел, чтобы мои ученики получили навыки работы с понятиями. Пригодится ли им в жизни именно грамматическая теория, неизвестно, — скорее всего нет, — но сам навык исследовательского мышления понадобится непременно. Моя задача — не только передача знаний по предмету, а формирование новых возможностей интеллекта, таких, как вне учебной деятельности не формируются. Этому нельзя научиться, сидя дома, смотря телевизор, играя в компьютерные игры и даже читая книжки. Нужно встречаться с учителем и одноклассниками. А уж потом это можно будет делать молча и сидя в своем кабинете.

— Первое, что меня удивило в лицее, — это обилие молодых лиц, в том числе мужских. Молодые учителя охотно идут сюда потому, что здесь такая особая, творческая атмосфера?

— Скорее всего, дело в уникальной истории этого коллектива. Наша школа открылась в девяносто втором году — это был такой момент, когда те, кто хотел, могли сделать что-то толковое. Атмосфе-

ра и педагогический состав определяются общей задачей. Все наши учителя — исследователи, и мы учим исследовательской работе, самостоятельному мышлению детей.

— Может быть, если бы принципы обучения, о которых вы говорили, получили более широкое распространение, то не было бы плачевных результатов, которые сейчас показывают выпускники наших школ, неспособные применить в жизни мертвый груз знаний? О творческом подходе говорится и говорится уже очень давно. Вот ЕГЭ придумали, чтобы какие-то практические навыки отрабатывать. Кстати, ведь и ваши ученики его сдают. Правда ли, что, как часто приходится слышать, натаскивание на ЕГЭ чуть не на полгода отменяет всякое учение?

— ЕГЭ — я говорю именно о своем предмете — это, может быть действительно шаг к выработке умений, а не абстрактных знаний. А готовиться к нему можно по-разному.

Можно повторять, разворачивать тему, чтобы понять ее внутреннюю логику, а можно выполнять множество однотипных заданий, ориентируясь на что-то внешнее, что всегда в таких заданиях бывает, но к жизни не имеет никакого отношения. Тут мы реагируем так, как у нас испокон веков реагируют на всякие нововведения: имитируем бурную деятельность при полном нежелании что-то менять. В ЕГЭ по русскому языку есть третья, творческая часть, где, например, оценивается не само мнение, которое вы высказали, а то, как вы его аргументировали, то есть можно, отстаивая любую точку зрения, показать, как ты умеешь ее защищать. Казалось бы, используйте это для развития коммуникативных навыков, но нет! Проще дать клише, чтобы дети разучили пять предложений-образцов, вставили в позицию икс имя автора, в позицию игрек — цитату из текста. То есть любая творческая задача может быть переведена в нетворческую.

— И тогда она станет трудной, потому что будет решаться не теми способами, на которые рассчитана...

— Зато это первое, что приходит в голову: нужно, чтобы наши дрессированные ежики научились в правильном месте поднимать лапку или вставлять нужную букву. А о том, чтобы что-то изменить в способе мышления, развить интеллект, никто не заботится. Такое натаскивание — безусловный вред, оно убивает все положительное, что заложено в этом экзамене.

— Возвращусь к навязшему в зубах вопросу: молодые люди не идут в школу потому, что там мало платят? Или потому, что неинтересная работа?

— Сейчас платят побольше. А работа очень интересная. Хотя... смотря где и как. Есть места, где это просто тяжелый, изнурительный, бессмысленный, рутинный труд.

— В начале девяностых было такое впечатление, что школа открылась для новых идей, что еще немного — и все будет по-другому. А потом все как-то опять затянулось болотной ряской. Какое у вас как у человека, находящегося внутри системы, впечатление: к чему идет дело, к расцвету или затуханию?

— Трудно давать общую оценку. Надежда всегда окрыляет. Кажется, вот что-то поменяется, и будет лучше. А потом выясняется, что для того, чтобы поменялось в лучшую сторону, надо было копать немислимо глубоко, а это титаническая задача.

Вокруг развития и воспитания

Новое о хорошо знакомом и ещё не знакомом

Разные языки воспринимаются по-разному

Языки, основанные на разных грамматических принципах, активируют у человека, слышащего их, области мозга, ответственные за разные виды памяти, сообщает журнал «Доклады Национальной Академии наук США».

Некоторые языки, те, что называют аналитическими, например английский, передают отношения между субъектом и объектом действия через порядок слов в предложении. Другие, так называемые флективные, языки, в числе которых и русский, ис-

пользуют окончания, вспомогательные слова и другие знаки, выражающие синтаксическую роль слов, а их место в предложении часто может быть произвольным.

Канадские исследователи показали, что принцип, с помощью которого язык передает смысл, влияет на механизм его восприятия. Языки, где главную роль играет порядок слов, активируют, в частности, участки мозга, ответственные за кратковременную память, тогда как флективные языки — память, которую мы используем для привычных действий.

Ученые изучили восприятие языка слабослышащими людьми, которые говорят на так называемом амслене, американском языке жестов. В этом языке для передачи смысла

предложения можно пользоваться как только порядком слов, так и дополнительными знаками, например, показывая жест с определенной стороны тела.

Участники эксперимента смотрели видеозапись, на которой два предложения показывались разными способами. Предложения «Бабушка Джона кормит обезьяну каждое утро» и «Тюремный надзиратель говорит, что все малолетние преступники будут помилованы завтра» были подобраны так, чтобы их значение не менялось в зависимости от того, каким способом их показывают.

Во время эксперимента активность мозга испытуемых контролировалась с помощью томографа. Когда участники видели предложения, смысл в которых передавался только порядком слов, в их мозгу активировались зоны, связанные с кратковременной памятью. В случае с предложениями, содержащими дополнительные знаки, активировались области памяти, которую человек использует для выполнения «автоматических» действий, например при езде на велосипеде. Это может указывать на то, что обработка таких предложений тоже проходит «автоматически».

Рослая мама — здоровый малыш

Урослых матерей больше шансов родить и вырастить здоровых детей. Таковы результаты масштабного исследования миллионов детей в странах с низким и средним уровнем дохода населения. Ключевым результатом данного исследования стало подтверждение устойчивой связи между ростом матерей и состоянием здоровья их детей, что в первую очередь было определено на основании данных об уровне смертности детей в возрасте до пяти лет и риска проявления нарушений роста.

Рост матери отражает целый ряд диетологических и социальных факторов, воздействующих на ее здоровье и, следовательно, рост, в течение всей ее жизни. Совместно со своими коллегами С. В. Субраманиан из Гарвардской школы общественного здравоохранения объединил результаты более чем 100 отдельных опросов в 54 странах. Ранее уже было доказано, что рост матери может влиять на смертность и другие факторы здоровья ребенка непосредственно после рождения. В данном исследовании ученые изучили состояние здоровья детей до пяти лет в том, что касается веса, роста и даже способности к выживанию.

На вероятность выживания и хорошего здоровья ребенка в первые годы жизни влияет множество факторов, но, по мнению ученого, если выбирать для прогноза один показатель, это, несомненно, рост матери. «Если мы говорим о нарушениях роста ребенка, самым важным фактором будет рост матери. Для ребенка он важнее, чем финансовое благополучие семьи или образование матери», — убежден исследователь.

Данная корреляция наблюдалась почти во всех рассматриваемых странах. Причины ее требуют тщательного изучения. В исследовании было выделено долгосрочное влияние факторов, способствующих индивидуальному развитию человека, — таких, как питание, грамотность и социальная среда, — и сделал вывод, что среда, в которой растут будущие матери, может по прошествии более десяти лет оказать влияние на здоровье их детей.

С такой мамой дети будут здоровы!

Сон помогает запомнить

Чтобы хорошо запомнить изучаемый материал, достаточно вздремнуть, говорят ученые Гарвардского университета в США, но подчеркивают: при этом необходимо видеть сны. Ученые выяснили, что люди, получающие задание и видящие его во сне, наяву справляются с ним лучше, чем те, кто спал без снов, или вообще не спал.

Добровольцев, участвовавших в исследовании, просили запомнить трехмерную схему лабиринта, изображенную на экране компьютера. При этом их предупредили, что вскоре им придется вернуться к лабиринту и найти из него выход.

Те, кому позволили после этого вздремнуть и кто видел во сне, как выполняет это задание, смогли выйти к назначенной точке гораздо быстрее остальных.

Такие сны, полагают специалисты, являются признаком того, что мозг продолжает напряженно рабо-

тать над решением задачи, даже когда человек спит. На это, в частности, указывает доктор Роберт Стикголд, один из авторов исследования: «Сны могут отражать попытки мозга найти ассоциации с запоминаемой информацией, чтобы эффективнее использовать ее в будущем».

По словам другого автора исследования, доктора Эрин Уамсли, результаты работы, осуществленной ею и ее коллегами, свидетельствуют о том, что бессознательная часть нашего мозга работает над вещами, которые кажутся наиболее важными.

Ежедневно мы сталкиваемся с огромными объемами информации, набираем новые впечатления. «Такое ощущение, — говорит доктор Уамсли, — что наш мозг задается вопросом: как же воспользоваться этой информацией?»

Результаты исследования, опубликованные в медицинском журнале о молекулярной биологии, могут иметь вполне практическое применение. Например, студентам рекомендуется заниматься зубрежкой перед тем как отправляться спать — либо сочетать занятия с коротким полуденным сном.

«Фильмы для взрослых» губительны

Медики из Массачусетса пришли к выводу, что порно губит тех, кто его смотрит. Они в течение года наблюдали 6 тысяч подростков, постоянно смотрящих порнографию. Выяснилось, что тяга к просмотру «фильмов для взрослых» прямо пропорциональна алкогольной зависимости.

Преодолев в себе социальное табу на просмотр порно, человек готов отказаться и от других общественных запретов, что приводит к алкоголизму, наркомании и преступной деятельности.

Исследователи отмечают, что вред несут не только порнофильмы, но и ленты со сценами насилия или изобилующее нецензурной бранью, фильмы ужасов и компьютерные игры с элементами насилия.

Ученые уверены, что увлечение подобными развлечениями приводит к всплеску преступности и наркомании.

Слишком жирные, чтобы воевать

Группа отставных военных США пришла к выводу о том, что ожирение американской молодежи становится угрозой национальной безопасности. Доклад, опубликованный общественной организацией «Миссия: готовность», без обиняков назван «Слишком жирные, чтобы воевать». По мнению его составителей, проблемы избыточного веса сейчас становятся главной причиной отказа потенциальным рекрутам.

«Миссия: готовность» сообщает, что вес делает более 9 миллионов молодых людей — 27% всех американцев в возрасте 17–24 лет — непригодными к военной службе. Несколько старших офицеров выступили на слушаниях в Конгрессе с призывом к законодателям принять юридические меры для запрета «мусорной еды» в школьных кафетериях и повышения питательности школьных обедов.

Военные не впервые выражают обеспокоенность качеством школьного питания: во время Второй мировой войны начальники докладывали, что многие потенциальные солдаты были не приняты на военную службу из-за крайней худобы. В 1946 году Конгресс принял закон под названием «Национальный Акт о школьных обедах», призванный обеспечить здоровое развитие американских детей. Первая леди США Мишель Обама также начала кампанию борьбы с детским ожирением, привлекая внимание страны к необходимости приучить детей к активному и здоровому образу жизни.

В армию его вряд ли возьмут.

Телевизор рождает вредные привычки

Чем больше ребенок смотрит телевизор, тем вероятнее, что он будет отставать в школе, а к десяти годам не будет отличаться крепким здоровьем, предупреждают ученые.

Обследовав 1300 детей, исследователи из университетов Мичигана и Монреаля заключили: чем больше времени дети в возрасте до трех лет проводят у телевизора, тем больше негативных последствий обнаруживается у них в старшем возрасте.

Оказалось, что такие дети хуже успевают в школе, а также потребляют больше нездоровой пищи. Несмотря на это, британские эксперты полагают, что родители могут позволить детям просматривать «некоторое количество» телепрограмм высокого качества.

В процессе исследования родителей малышей спросили, сколько времени их ребенок проводил у телевизора в возрасте 29 и 53 месяцев. Как выяснилось, в среднем дети в возрасте двух лет проводят у телевизора девять часов в неделю, а четырехлетние — чуть менее 15 часов.

Хотя ожидалось, что воздействие просмотра телепередач исчезнет по мере развития ребенка, негативные последствия обнаруживаются после семи с половиной лет. И все-таки 11% двухгодовалых детей и 23% малышей в возрасте четырех лет остаются у экранов больше двух часов в день, что превышает допустимое количество времени, рекомендованное специалистами.

В возрасте десяти лет тех же детей обследовали заново. Учителей попросили оценить академическую успеваемость, поведение и состояние здоровья учащихся. Тогда же у учеников измерили индекс массы тела.

Выяснилось: чем больше ребенок смотрел телевизор в возрасте двух лет, тем хуже оказалось его поведение на уроках и ниже успеваемость, в частности по математике. Ученые также отметили общее снижение физической активности, одновременно с увеличением индекса массы тела и потреблением газированных напитков.

«Раннее детство — важнейший этап для развития мозга и формирования поведения, — сказала руководитель исследования, доктор Линда Пагани из университета Мичигана. — Хотя мы ожидали, что воздействие телевизионного просмотра исчезнет по мере развития ребенка, тот факт, что негативные последствия обнаруживаются после семи с половиной лет, пугает».

Свежий воздух и спорт гораздо лучше сидения перед телевизором!

Эликсир молодости подоспел?

Ученые утверждают, что к 2012 году они разработают лекарства, замедляющие процесс старения, пишет «Индепендент».

Наша генетическая наследственность превосходит все прочие факторы в определении того, как долго мы живем и насколько хорошо выглядим. Выявив генетические факторы долгожительства, ученые надеются научиться управлять ими, не только добавляя годы к жизни, но и вдыхая жизнь в преклонные годы. Эликсир молодости остается недостижимой мечтой, однако появление медикаментов, которые помогут нам жить дольше, не за горами.

Последние открытия в области генетики знаменуют собой начало новой эры исследования продолжительности жизни, и лекарства, созданные на этой основе, возможно, вскоре будут доступны для испытаний, отметил профессор Нир Барзилай из Колледжа медицины имени Альберта Эйнштейна в Нью-Йорке: «Я вижу 100-летних людей, которые к тому же сохраняют хорошую форму. Они водят машину, рисуют, и они говорят, что жизнь прекрасна. Эта тенденция заставляет меня верить, что у нас как у биологического вида есть способность доживать до ста, если мы предотвратим некоторые из возрастных заболеваний».

У долгожителей имеются гены, которые откладывают развитие таких состояний, как болезнь Альцгеймера и сердечные заболевания. Старение нельзя повернуть вспять, но, вероятно, можно замедлить.

В перспективе Барзилай видит создание таблетки, которая бы предотвращала признаки старения, и принималась бы раз в день при достижении человеком 40 или 50 лет.

Н. П.
(по материалам
Интернета,
иностранной печати
и радио)

Мои школьные учителя Взгляд, брошенный через десятилетия

Борис Бим-Бад

Первая учительница

Галина Наумовна, дама с простым крестьянским лицом, левая рука — усохшая — прижата к боку. Тихая. Бездомная, безбытная, бессемейная, как постепенно (на протяжении четырех лет учения в ее классах, 1948–1951) выяснилось. Жила она в чердачном помещении в здании нашей школы, со слов моей няни Нюрочки, — в кукольной комнатке. Носила всегда одну и ту же одежду. От нее всегда пахло свежестью. Никогда не знал, какая у нее была зарплата. Думаю, крайне низкая. Особая чистоплотность — добродетель бедняков.

И все в ее преподавании отличалось чистотой, все было «чистописанием». Почерк ее — чистые прописи. Она ждала от нас, сорока, как минимум, разбойников, аккуратности и тихой точности, и, естественно, получала в ответ и то, и другое.

Меня взяли в первый класс, когда я не дорос еще до семи лет, и меня как низкорослого всегда ставили первым в ряд входивших в классную комнату. По той же причине сживал я неизменно на первой парте. Довольно быстро я привык к тому, что я — «первый», первый во всех смыслах, и вовсе не по причине своей приземистости. Я не понимал, что первый-то я с конца «списка».

Поскольку мне учеба всегда была в радость, Галина Наумовна отличала меня чуть ли не самого начала. Помню, как наш первый класс цепочкой, в затылочек, поднимается по лестнице в классную комнату, я, как всегда, впереди всех, и учительница держит меня за руку. Я спрашиваю ее, будем ли мы сегодня изучать счет с «переходом через десяток». Умиленная столь учеными речами, Галина Наумовна наклоняется и целует меня. Гордясь поощрением, я вхожу в класс, почти как наследный принц.

На уроках, однако, я не имел поблажек. Галина Наумовна меня закаляла, напротив, весьма трудными вопросами и заданиями. Нос поэтому у меня не задирались, и ребята ко мне относились вполне дружелюбно.

Уверен, что мне очень повезло с первой учительницей.

Английский язык — со второго класса. Худошавого нашего «англичанина» (увы, не помню его имени) я поначалу очень боялся. Он был строг, любил прикрикнуть на детей. Но чужой язык меня не пугал, поскольку моя тетя (жена папиного родного брата) была учительницей

английского языка, и я с присущей малышам любознательностью уже давно просмотрел «картинки» — иллюстрации к учебникам английского языка для начинающих. Очень толстый и приятный учебник для малышей, кажется, Цветковой, я даже попросил тетю озвучивать, когда пережидал в ее семье карантин, вызванный скарлатиной у младшего брата.

В результате я сравнительно легко справлялся с требованиями «англичанина». Совершенно неожиданно он появился у нас дома, чтобы посмотреть на родителей «ангела», почти говорящего на языке ангелов и выделяющегося на фоне «исчадий ада», каковыми ко второму классу успели стать, по его версии, мои одноклассники. Об этом истерзаный исчадиями «англичанин» сообщил, когда любезно и радостно согласился принять рюмку-другую и, прощаясь с родителями, был очевидно растроган.

После этого визита сухопарый учитель на уроках перестал обращать на меня внимание, очевидно, решив, что это я его должен учить английскому языку, а не наоборот. В результате мой английский быстро деградировал, а вскоре его и вовсе отменили в начальной школе.

Но ощущение «легкости» в усвоении словаря и грамматики осталось навсегда и помогло мне впоследствии утвердиться в знании неродного языка.

Старушка-словесница

В пятом и шестом классах у нас была весьма пожилая словесница, которую мы быстро полюбили, и, когда с седьмого класса стали учиться в другой, смешанной, школе, еще навещали ее дома в день 8 марта. Мне очень жаль, что в памяти не осталось ее имени-отчества.

Вероятнее всего до революции она училась в гимназии. Сужу по ее строгой простоте в манере общения и, главное, по ее литературным пристрастиям. Она прививала нам обожание русской классики, читая вслух. Помню, что сравнительно большие по объему книги она читала из урока в урок. Не было, кажется, никаких «анализов», «разборов» художественных произведений. Зато многое мы тоже читали вслух и запомнили наизусть.

Нам, шестиклассникам, старая учительница русского языка и литературы прочитала довольно большую повесть из пореформенных

времен, возможно Лидии Чарской, возможно «Записки сиротки». Ни автора, ни названия нам не сообщили.

Сейчас я понимаю, что, знакомя школьников с не рекомендуемой литературой, учительница серьезно рисковала. Кроме того, опасно для нее было занимать рассчитанное программой учебное время внепрограммным чтением. Но, выкроив из отведенных на литературу часов порядочное время, наша просветительница сделала большое дело. Она открыла нам, детям свирепо безжалостной, кровавой, жесточайшей эпохи, существование сострадания. Его возможность и его правомерность.

Почти не помню содержания повести, но манера чтения — сдержанная, благородно простая — сохранилась в душе. Мы не лили слез, но многие сцены из жизни сироты (сирот?) произвели потрясение в моем сознании, может быть, еще и потому, что папа мой и прежде иногда напевал редкую по тем временам старинную песенку, песенку о милосердии:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
«Боже, — говорит малютка, —
Я прозяб и есть хочу.
Боже добрый, кто ж согреет
И накормит сироту?»
Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,
Приютила и согрела,
И поесть дала ему...

Детское воображение живо достраивало картину чудесно-закономерного спасения малютки, и повесть о злключениях сиротки легко ложилась на сердце подростка. Понятно мне и то, почему я оказался готов к восприятию в чуть более старшем возрасте первой части «Неточки Незвановой» Федора Достоевского, а потом и «Униженных и оскорбленных».

Сергей Михайлович Флоринский

В восьмом классе моим учителем литературы был автор учебника по русской словесности замечательный литературовед и методист Сергей Михайлович Флоринский. Его учебник по сей день хранят учителя в семейных библиотеках и, главное, читают и рекомендуют сегодняшним школьникам.

Например, Ирина Михайловна Начерная, очень полюбившая этот

учебник «за простоту изложения материала, за полноту сообщаемых фактов, за предметную насыщенность», сообщает, что учебник Сергея Михайловича помог ей в первые

«Горе от ума». Мне была доверена роль Чацкого. Как же я готовился, сколько репетировал, обдумывая каждую интонацию, паузу, взаимодействие с другими персонажами!

ных забот. Ибо мы никогда не пропустили ни единого ее слова, ни разу не позволили себе проигнорировать ни одного ее задания. Короче, нам было некогда шалить и рисоваться: вместе с нею и вслед за нею мы шли от темы к теме, от одного класса задач к другому. И не могли иначе. Огорчить Эльфриду Моисеевну никому не приходило в голову.

Вместе с Феликсом Александровичем Раскольниковым, словесником, пришедшим к нам после Флоринскогго, Эльфрида Моисеевна устроила нам незабываемый курс неторопливых путешествий по «Третьяковке». Экскурсии проводила сестра знаменитейшей украинской художницы Татьяны Ниловны Яблонской, и в том, что я дико влюбился в Марию Лопухину с портрета Боровиковского, отчасти «виновата» и Эльфрида Моисеевна.

Помню, когда по дороге к Лаврушинскому переулку, где живет, как известно, Третьяковка, мы проезжали на троллейбусе мимо вычурного особняка Арсения Морозова на Воздвиженке, Эльфрида Моисеевна, слегка покраснев, поведала нам о первом впечатлении об особняке матери Арсения: *«Раньше одна я знала, что ты дурак, а теперь вся Москва будет знать!»*.

В начале десятого класса неугомонная наша математичка повела нас в старое здание МГУ на Моховой на лекцию-беседу своего бывшего ученика, а ныне заметного ученого математика, об «Алгебре музыкальной гармонии». Испытанное тогда потрясение от исписанной формулами огромной доски описать я не в силах. Оказывается, математика пронизывает собой мироздание! На ее «костях» держится гармония — Ритм и ритмы Вселенной! Математика — это наше всё!

Когда я учился в седьмом классе, я признался нашей математичке, что считаю себя от природы бездарным вообще, и в математике — в особенности. «Не спешите с обобщениями, — был ответ Эльфриды Моисеевны. — В девятом классе будете решать даже самые трудные задачи».

Ей нельзя было не верить, а вера творит чудеса. Когда в начале десятого класса я на доске воспроизвел формулу биннома Ньютона, то получил от девочки со второй парты записку в стихах. Там были слова: «В твоих глазах ума светило, ты очень милый, милый, милый». Вот что делает успех в математике, обеспеченный верой авторитетного учителя в твои способности.

Дорогие мои, любимые мои учителя, сколь многим обязаны многие такие, как я, вашему терпеливому подвигу, боже мой...

годы ее работы в школе. «Мне, кажется, что я выучила его наизусть. Столько раз обращалась к его страницам! Потом, позже, он стал настольной книгой для моих дочерей. И вот уже внучка готовится к урокам литературы по этому учебнику, используя его материал как дополнение к своему учебнику».

Всего один учебный год вел этот выдающийся учитель литературы у нас. Потом он заболел и был вынужден уйти на пенсию. Но этот год был решающим для выбора мною профессии и для всей моей последующей жизни.

Три особенно яркие для меня лично события связаны с преподаванием дорогого Сергея Михайловича. Во-первых, его рассказ о дуэли и смерти Пушкина. Помню, прозвенел звонок (мол, урок окончен), а мы сидим молча и не двигаемся с места. Случилась долгая пауза, которую Сергей Михайлович прервал фразой «Да! Тяжелая была история!», вышел из класса, и только тогда мы опомнились и привычно сорвались с мест.

От Флоринского я узнал о месте Пушкина в творчестве и жизни Жуковского, а также — о роли Жуковского в творчестве и жизни Пушкина, об их великой дружбе. Наш высокочтимый учитель поведал нам об абсолютной искренности пушкинской лирики на примере его стихов о Ризнич. Говорил он — это очень чувствовалось — выстрадавшее, личное, доверяясь нашему пониманию, вполне взрослому.

Второе событие — чтение по ролям в классе комедии Грибоедова

Это были незабываемые впечатления, заложившие фундамент под восприятие театральных интерпретаций классики. Читали мы по книге, а вся пьеса запомнилась наизусть.

В-третьих, Сергей Михайлович благословил меня на поэтические опыты. Сильно волнуясь, я показал ему свои первые стихи, написанные еще в двенадцатилетнем возрасте. Там, в частности, содержались и бунтарские мотивы, реакции Флоринского на которые я особенно боялся. Сергей Михайлович серьезно и внимательно изучал рукопись и вынес приговор, отнюдь не комплиментарный, но открывший мне простор для дальнейших экспериментов: «Вы можете писать».

...Когда мы узнали спустя долгое время, что Сергей Михайлович попал в больницу с сердцем, мы с приятелем провели его в больницу. Он принял нас, и мы, как могли, старались его «развлечь».

Больше я его никогда не видел. Вспоминал и цитировал его всю жизнь.

Эльфрида Моисеевна Абезгауз

С седьмого и по десятый класс включительно она учила нас всем математическим премудростям, какие положены в школе. И тем, что не положены, — тоже.

Женщина редкой красоты, стройная, с гладкой седоватой прической, жена крупного архитектора, мать трех дочерей, младшая из коих уже окончила школу, Эльфрида Моисеевна была выше дисциплинар-

Валерий — способный, но ленивый...

В издательстве «Самокат» готовится к выходу научно-популярная книга Екатерины Мурашовой «Ваш непонятный ребенок», состоящая из историй, в основе которых лежат реальные случаи из практики автора — писателя, биолога, психолога. История Валерия — одна из историй, с которыми автору приходится сталкиваться как семейному психологу в детской поликлинике. В предыдущем номере был начат рассказ о Валерии и его семье.

Поводом для обращения матери Валерия к психологу стал своеобразный ультиматум учительницы: «Либо ваш Валера берется за ум, либо ищите другую школу». Парадоксальная вроде бы ситуация. Мальчик явно одарен от природы. У него вполне приличные условия в семье и условия обучения. Ему интересно «много всего». И у него не складывается учеба в школе и не формируются устойчивые познавательные интересы. Способный, но ленивый?

Что нужно делать, чтобы у ребёнка возникла нелюбовь к школе и отвращение к знаниям?

Большинству читателей уже, должно быть, набили оскомину всякие полезные советы. Попробуем для разнообразия дать советы вредные. Итак, что же нужно делать, чтобы наверняка воспитать у ребенка стойкую ненависть к школе и не менее стойкое отвращение к самому процессу получения знаний?

Совет первый. Чаще говорите ребенку о том, что он должен учиться в любом случае, несмотря на те чувства, которые он по этому поводу испытывает. Постоянно приводите примеры людей, которые всю свою школьную жизнь ненавидели школу, а потом добились больших успехов благодаря полученным там знаниям.

Совет второй. Выберите кого-нибудь ребенка, сверстника вашего сына или дочери, который учится лучше и к которому ваш ребенок уже испытывает стойкую антипатию (это может быть сосед, одноклассник, сын или дочь вашей подруги). Регулярно и подробно рассказывайте вашему ребенку об успехах этого персонажа, о том, как он (она) прекрасно учится, занимается в художественной (музыкальной, математической, астрономической или кулинарной) школе, помогает матери по дому, уважает старших, играет с маленьким братишкой и т. д. и т. п. В ответ на попытки вашего ребенка заставить вас замолчать уверенно произнесите какую-нибудь ехидную фразу вроде: «Вот! Правда-то глаза колет!»

Совет третий. Чаще говорите ребенку о его недостатках, по возмож-

ности реже упоминая о достоинствах. Не ограничивайтесь общими определениями, типа «лентяй», «безмозглый», «безрукий». Если у ребенка плохая память, недостаточно развито внимание или плохо с абстрактным мышлением, не забудьте об этом упомянуть. Необходимо также почаще говорить ребенку о том, что все эти качества останутся с ним навсегда, так как он «абсолютно не работает над собой», «ленится оторвать зад от дивана» и т. п.

Совет четвертый. Обязательно скажите ребенку о том, что с таким как он (глупым, малообразованным, ничего не читающим, физически слабым, трусливым (см. совет третий), никто никогда не будет дружить. Если ребенок возразит вам в том духе, что с ним уже дружат Катя и Вася, презрительно поднимите брови и патетически воскликните: «Разве это дружба? Вот в наше время...» Договаривать фразу не надо — пусть идеальную картину дружбы «в ваше время» ребенок достроит сам. Хотя обязательно надо упомянуть о том, что в ваше время заболевшим одноклассникам всегда приносили на дом уроки (у теперешних детей это почему-то не принято). Пусть ребенок, которому приходится узнавать уроки по телефону, осознает неполноценность собственных отношений с одноклассниками.

Совет пятый. Очень хорошо в присутствии ребенка поругать его учителей и школу в целом. Можно организовать это как рассказ подруге по телефону или как беседу с соседкой. Или просто громко поделиться наболевшим с мужем, когда последний ужинает, читает газету или смотрит телевизор. Только для вас самые удачные аргументы из моей коллекции: «Думает только о себе, а на детей ей наплевать», «Всё только за деньги. Как бы ребенок ни старался, но если родители не спонсоры...», «В наше время детей учили, а теперь просто время отбывают», «Если уж она кого невзлюбила, то он хоть головой об стенку бейся, все равно ничего не докажешь», «Самая плохая школа в районе — все так говорят. Кроме как в ПТУ, из нее пути никуда нет. Кроме тех, конечно, кто в криминал уходит и в школы для умственно отсталых...», «Говорили, говорили про экспериментальную программу, а на деле очередной пшик получился. Ни тебе основного образования, ни тебе дополнительного...», «Престижная гимназия, престижная гимназия... Перегружают детей да щеки дуют, вот и вся престижность. А дети все сплошь бледные, больные

да нервные. Да еще и выясняют с первого класса, кого на какой машине папа в школу привозит». Я думаю, что на основе этих заготовок вы вполне сможете сформулировать достаточное количество оригинальных суждений, наиболее соответствующих учебному заведению вашего ребенка и педагогам, которые его обучают.

Совет шестой. Часто и со вкусом рассказывайте ребенку, какая ужасная судьба его ждет, если он не будет хорошо учиться. Обязательно упоминайте о криминальных «шестерках», проститутках, алкоголиках, продавцах с лотков и «дубоголовых» охранниках. Чаще приводите в пример родителей, то есть себя. Если вы преуспели в жизни, то это только потому, что десять лет смотрели в рот учительнице. Если же вы или ваш супруг (супруга) считаете себя неудачниками, поясните ребенку, что учись вы в школе чуть получше, давно бы уже стали космонавтами или банкирами (в зависимости от ваших пристрастий и идеалов). А можно (для гармонии) так: папа — космонавтом, а мама — банкиром. Честное слово, ваш ребенок получит искреннее удовольствие.

Чем могут «помочь» в этом деле учителя и специалисты?

Основная роль в деле выработки отвращения к школе и знаниям принадлежит, несомненно, семье, но вместе с тем нельзя отрицать, что учителя и специалисты могут оказать родителям существенную помощь.

К примеру, учителя могут часто и аргументировано сообщать ребенку, что он никудышный и главное — абсолютно бесперспективный ученик, из которого никогда не выйдет ничего путного. Кроме того, очень помогают в этом деле бесцветные личности учителей и совершенно неинтересные и скучные уроки. Хотя, это, конечно, не наверняка, потому что в любой школе найдется два-три хороших учителя, уроки которых настояще развивают и образуют детей. Гораздо полезнее может оказаться плохая репутация, которая сложилась у ребенка в школе, предположим, из-за его чрезмерной подвижности. Тогда ребенок оказывается крайним в любой коллективной шалости. Даже обладая от природы легким и добродушным характером, он постепенно озлобляется против школы, против педагогов. Очень помогает и репутация «тюфяка» и «тормоза».

Фото
Ильи
Ципина

Две-три вояремя сказанных учительницей фразы (подлинный пример: «А теперь мы будем всем классом ждать, пока дойдет до Васи») — и нежелание ребенка идти в школу достигает поистине астрономических размеров.

«Помощь» специалистов здесь может проявиться двояко. Во-первых, специалист (по преимуществу — невропатолог) может помочь родителям убедить ребенка, что он (ребенок) тяжело болен и школа во всей своей красоте и жестокости ему (ребенку) попросту противопоказана. Сориентированный таким образом ребенок будет иметь жесточайшие головные боли или приступы гастрита по утрам, когда пора идти в школу, неукротимые рвоты перед контрольными; в школе у него будет кружиться голова, болеть сердце и скакать давление. Автор уже три года знаком с девочкой Машенькой, которая имеет официальный диагноз «вегетососудистая

дистония», регулярно падает в обмороки на пороге школы и четыре-пять месяцев в году не посещает школу по справкам, которые регулярно получает у невропатолога, убеждая его, что дома она чувствует себя гораздо лучше. Дома и в школе «большую» Машеньку шадят, но три летних месяца она трудится на огороде у тети в Краснодаре при тридцатиградусной жаре, не испытывая со стороны своего диагноза никаких затруднений. Машенька чрезмерно полная, ненавидит физкультуру и панически боится лифтов, хулиганов и контрольных. Никакая психотерапия на Машеньку не действует, так как оставаться больной ей гораздо удобнее, чем стать здоровой. В этом году она собирается поступать в медицинское училище. Интересно, как она там будет учиться?

Свою лепту могут внести в процесс и психологи, например в присутствии ребенка огласив свое неблагоприятное заключение о его

умственном или эмоциональном развитии. Школьные психологи иногда проводят в классе процедуру, называемую социометрией (в процессе которой выявляются лидеры, принятые и отвергнутые классом ученики), а потом обсуждают результаты этого исследования с коллегами или, того хуже, с исследованным классом. Это абсолютно недопустимо. Результаты школьной социометрии — рабочий инструмент психолога, на основании которого он планирует свою дальнейшую работу. Не более того. Иногда психолог может в присутствии ребенка сказать родителям что-нибудь этически вполне нейтральное, например: «Может быть, вам поискать более адекватную программу для обучения вашего сына?» Большинство детей пропустят это мимо ушей, но некоторые, с особенностями самооценки, решат:

- я безнадежно глуп, и меня хотят отправить в школу для умственно-отсталых;
- я очень талантлив, эта школа для меня слишком плоха, я достоин лучшего.

Поэтому любые, даже самые нейтральные заключения психолога родителям лучше выслушивать в отсутствие ребенка. Если психолог «забыл» об этом, напомните ему. Если же психолог найдет нужным сообщить что-то самому ребенку, он сделает это отдельно, в специально подобранных выражениях.

Возвращаясь к Валерию...

Валера никогда не мог пожаловаться на то, что ему не говорили о том, какой он хороший. Окружающие его взрослые восхищались способностями мальчика много и часто. Но вот об одной простой истине Валере так никто и не сказал: сами по себе способности к чему бы то ни было являются достоинствами человека не больше, чем высокий рост, голубые глаза или кудрявые волосы. Абсурдная с точки зрения формальной логики, но, к сожалению, истинная с точки зрения практической психологии вещь: способности человека не являются его ресурсом. Более того, иногда очень сильно выраженные способности ему даже мешают. И речь здесь идет вовсе не об отрешенных от всего светлого гениях. В практике автора был случай, когда мальчик десяти лет имел феноменально развитую зрительную и слуховую память. Он буквально с одного раза запоминал прочитанное и услышанное. Естественно, что и в учебе он привык полагаться именно на память. Это очень хорошо выручало его в начальной школе, но когда началось предметное обучение, начались и трудности.

Отлично все запоминая, в прямом смысле без труда выучивая наизусть, наш маленький феномен так и не научился думать, анализировать, вычленять главное из прочитанного. Многое пришлось нагонять, многое (из просто запомненного) изучать заново, пока успеваемость мальчика стабилизировалась на устраивающем его и его родителей уровне (сами понимаете, что и сам «феномен», и его родители с ранних лет привыкли к успехам).

Итак, ресурсом человека являются не способности сами по себе, а лишь нечто достигнутое или сформированное на основе этих способностей. Например, умение слушать других, развитое человеком на основе врожденного флегматического темперамента. Или умение красиво петь, достигнутое на основе врожденно сильного голоса. Или умение физически крепкого ребенка хорошо играть в футбол, развитое в спортшколе или в дворовых футбольных баталиях.

Валерий, несомненно, имел способности, которые на педагогически-психологическом языке называются общей одаренностью. Почему же они не превратились в ресурс? Да потому, что окружающие одаренного ребенка взрослые сформировали у него превратное представление о том, что способности являются ценностью сами по себе, что ему самому делать ничего не надо, что все хорошее в его жизни произойдет само собой. Наибольшая ценность в жизни маленького ребенка — любовь, похвала и поощрение со стороны значимых взрослых. Валерий с самого раннего возраста имел все это в избытке, не затрачивая на это абсолютно никаких сил. Естественно, он привык к такому положению вещей и не захотел менять свою позицию, когда начала меняться ситуация вокруг него. Ведь он оставался все тем же — способным, милым ребенком. Раньше им все восхищались, почему же теперь от него что-то требуют?

В течение довольно длительного периода мы беседовали обо всем этом с матерью Валерия. Она часто спорила со мной:

— А что, было бы лучше, если бы мы его не хвалили? Ведь детей надо хвалить — вы сами об этом говорите, и во всех книгах написано... Но он же на самом деле милый ребенок — контактный, развитый, смелый? Разве вы со мной не согласны?

— Разумеется, хвалить детей надо. Но ведь не за то же, что они брюнеты или рыжие! А Валеру слишком часто хвалили за то, что он быстро соображает, хорошо запоминает, легко улавливает закономерность. Хвалили за его врожденную общую одаренность, в которой, если не придерживаться индуистских воззрений о перевоплощениях, нет абсолютно

никакой его личной заслуги. В конце концов, это даже обидно. Ведь в структуре его личности, несомненно, есть и подлинные ресурсы, например та же его контактность, любознательность, любовь к посещению музеев... Скажите, кто-нибудь хвалил Валеру за любознательность?

— За любознательность? — задумалась мама. — Не знаю. Не помню.

— А Валерий действительно ленив?

— Да нет, что вы! Он подвижный, заводной, совсем не ленивый...

— А откуда же взялось это определение, которое он сам столь охотно повторяет?

— Ну, понимаете, надо же было как-то объяснить, что вот он такой способный, а учится все хуже и хуже... Ну, у учителей есть такой... такое... они так про многих детей говорят...

— А Валера привык верить тому, что про него говорят... — подхватила я. — Хотя вы знаете, да он и сам знает, что лень — это совершенно не про него...

— Да, да, он вообще очень доверчивый!

— Вот исходя из этого и будем работать...

Дальше я работала с самим Валерой. Некоторое (недолгое) время он ходил в группу, где сразу сошелся со всеми ребятами. Никакие Валерины проблемы в групповой работе не проявлялись. Его пребывание там нужно было лишь для того, чтобы он мог получить от ребят обратную связь. Все произошло так, как я и планировала. Подвижный, развитый Валера всем понравился и, провожая его, группа сообщила мальчику, что с ним интересно поговорить, что он не вредный и легко соглашается, чтобы не спорить и не ругаться, что он не только легко выполняет некоторые упражнения, но и старается, чтобы это красиво выглядело, что некоторые вещи, о которых он говорит (например, рассказывая о посещении музеев), заставляют других детей задуматься над тем, о чем они раньше не думали. Все это, как вы уже поняли, являлось подлинным ресурсом Валеры.

Именно с обсуждения мнения группы мы и начали индивидуальную работу с Валерой. Составили предположительный список его достоинств и недостатков. Выделили среди достоинств те, которые являются ресурсом. (Когда Валера понял, в чем дело, ему очень понравилось это слово, и далее он охотно оперировал им). Среди недостатков определили те, с которыми можно работать, и те, которые волевым контролем не очень поддаются. (Например, у Валеры наблюдалась слабая степень близорукости.) Дополнительно выяснили, что недостатка под названием «лень» у Валеры не имеется, и следовательно, учительское

определение его школьных неудач придется пересмотреть. Высокий уровень интеллекта Валеры (достоинство, но не ресурс!) и его любознательность, направленная в нашем случае на собственную личность (ресурс, да еще какой!), в совокупности определили очень высокую эффективность психотерапии. За довольно короткий срок (около четырех месяцев) Валера сумел полностью перестроить свои представления о себе и о том, каким именно образом следует добиваться успеха и признания. А успех и признание были необходимы Валере, как воздух. Мальчик не скрывал этого ни от себя, ни от других, и именно эта честность позволила ему на пике его проблем уберечься от истерического невроза. По истечении трех месяцев мама стала замечать, что школьные дела Валеры пошли на лад. Учителя говорили о том, что мальчик приносит на уроки дополнительную литературу, много и интересно рассказывает по теме урока или близко к ней. Старается привлечь к себе внимание нестандартным подходом к теме, раскрытием ее неожиданной стороны, каким-то ассоциативным материалом. (Обо всех этих стратегиях мы много и подробно говорили с Валерой во время сеансов, отрабатывая примеры.) К счастью, Валера действительно учится в хорошей школе, в которой учителя сумели понять «творчество» Валериного подхода, и, заметив возвращение интереса к учебе, сначала не требовали от него дотошного соблюдения «буквы закона». Постепенно, однако, требования ужесточались. Учебный процесс включал в себя не только то, что было интересно для Валеры, но и то, что было ему скучно и даже противно.

— Это не мой ресурс, — авторитетно рассуждает Валера, сидя в кресле в моем кабинете. — Все эти там аккуратности, подчеркивание разными чертами, или когда примеры надо одинаковые по двадцать штук считать. Это Пети Королькова ресурс и Маши Галкиной. У них тетрадки как на компьютере напечатаны. Мне за ними все равно не угнаться. Но я зато сообразить могу, как задачу тремя способами решать, и им сказать. Один способ мне, один Пете и один Машке. И Ольга Васильевна нипочем не догадается. А потом я у Петьки примеры скастаю (сам-то я всегда одну или две ошибки сделаю), а Машка мне своими карандашами все подчеркнет. Все равно я с ней сижу. И, между прочим, другие мальчишки с девчонками парты делают, дерутся, по башке друг друга рюкзачками лупят, а у нас с Машкой взаимовыгодное сотрудничество. Это ресурс?

— Ресурс, ресурс! — смеюсь я и, не выдержав, добавляю. — Ну и жук же ты, Валерка! Способный, но лени-ивый!

О чувстве справедливости

На вопросы отвечает Владимир Леви

Письмо матери: «Когда нашей дочке было 12 лет, учитель сказал, что у нее «обостренное чувство справедливости». А спустя три года мы услышали подобное и о младшей, ей 9 лет. Дети хорошие, неконфликтные, мы не фанатики-педанты, не критиканы-ябеды, не нытики-занудики. Воспитываем «по образу и подобию». Не будут ли сложными взаимоотношения наших детей с миром? Мой вопрос — не свидетельство зависимости от учительского мнения. Но, может быть, осторожность, что ли, не помешает?»

Из Вашего вопроса не ясно, с какой эмоциональной окраской учитель говорил о Ваших детях — одобрительно или нет... Но важно, конечно, не это.

Я бы, пожалуй, задал Вам встречный вопрос. Что бы Вы предпочли: чтобы у Ваших детей было обостренное чувство справедливости или, наоборот, притупленное? И есть ли какая-то мера в этом самом чувстве справедливости, некая норма от и до? Или важна золотая середина?

Мне кажется, это чувство скорее подчиняется принципу «да — нет»: либо оно есть, либо его нет. По крайней мере, на данный момент жизни или в данной ситуации.

Ваше беспокойство насчет возможного «осложнения взаимоотношений с миром» понятно. Мы живем в мире несправедливости, привыкли к нему и отчасти приспособились. То и дело видим, какому риску подвергают себя люди, для которых борьба за справедливость становится жизненной доминантой и как трагически оборачиваются их судьбы, взять хотя бы недавний пример Анны Политковской. Мы можем от души восхищаться этими Дон-Кихотами, возмущаться их гонителями и ненавидеть убийц, но когда дело касается наших собственных детей, нерассуждающий родительский инстинкт запросто перешибает все наши высокие этические восприятия. Включается вот эта самая «осторожность, что ли».

С другой стороны, есть и разряд рисков, связанных с темой справедливости, лежащий уже в области пограничной психопатологии. Есть повышено конфликтные люди, конфликтные до неадекватности — сутяги, сутяжные психопаты: те, кто считает несправедливыми всех и вся, кроме себя, и находится с миром в состоянии пожизненной войны; некоторые из этих людей тянут уже и на паранойю. Другим психиатрическая экспертиза может поставить диагноз: патологическое развитие личности, то есть все та же психопатия, скорее не врожденная, а нажитая. Такое может случиться с теми, у кого одним из первых сильнейших эмоциональных впечатлений ранних лет была какая-то несправедливость, учиненная над ним. Этот «импринтинг» (впечатывание) может как бы запрограммировать личность с сильным темпераментом на роковую борьбу за справедливость всюду и всегда, по делу и не по делу. Тяжелый жребий... И, по правде говоря, в калейдоскопе людских характеров и судеб очень трудно бывает провести грань между борьбой высокой и борьбой роковой. Между борьбой осмысленной и борьбой бессмысленной — тем, что именуется прошибанием стенки лбом...

Обостренному чувству справедливости у ребенка, замеченному со стороны, я бы на Вашем месте горячо обрадовался. Это означает лишь одно: что у детей Ваших душа живая и чуткая, не слишком легко под-

дающаяся социальному зомбированию. А для того, чтобы сбалансировать связанные с этим неизбежные риски в реальной жизни, стоит позаботиться о том, чтобы привить им уравнивающие начала: любопытство к людям, умение вникать, анализировать, понимать людей, человеческие поступки, человеческие взаимоотношения. Если набор этих свойств, которые можно объединить одним словом — психологизм, или психологичность, составят с чувством справедливости равновесную пару, можно будет надеяться, что борьба за справедливость, коли уж ее придется вести, будет зрячей. А если и доведется прошибать лбом стену, то делать это осознанно.

Письмо 15-летней Марии: «Один оболтус, удовольствия ради, самоутверждаясь, терроризирует класс и учителей. Те демонстрируют равнодушие, а на самом деле боятся связываться: у него отец работает в органах... Это гадко и унизительно, да и утомительно физически (например, самая «нежная» его забавка — на каждой перемене врубать тяжелый рок на полную громкость, стены трясутся, потом на уроках у всех уши заложены и головы болят дико, а он в наушниках играет в карты или смотрит порно, техника позволяет, или матерится в голос — просто так). У нас очень хорошая школа, переходить некуда! Если мир несправедлив, зачем жить?»

Мария, я совершенно с тобой согласен, мир действительно несправедлив, во всяком случае, с нашей человеческой точки зрения, с точки зрения здравого смысла. Мир тысячу и миллион раз несправедлив. Но если ты спрашиваешь, зачем жить, то я тебе отвечаю: для того, чтобы сделать его хотя бы на тысячную долю справедливее, хотя бы на миллионную... Он того стоит.

Я лично именно для этого и живу. Вижу в этом смысл жизни. Потому что иногда в некоторых сторонах, в некоторых уголках, в некоторые моменты это получается — сделать мир справедливее. Мир вокруг себя. Или даже подальше...

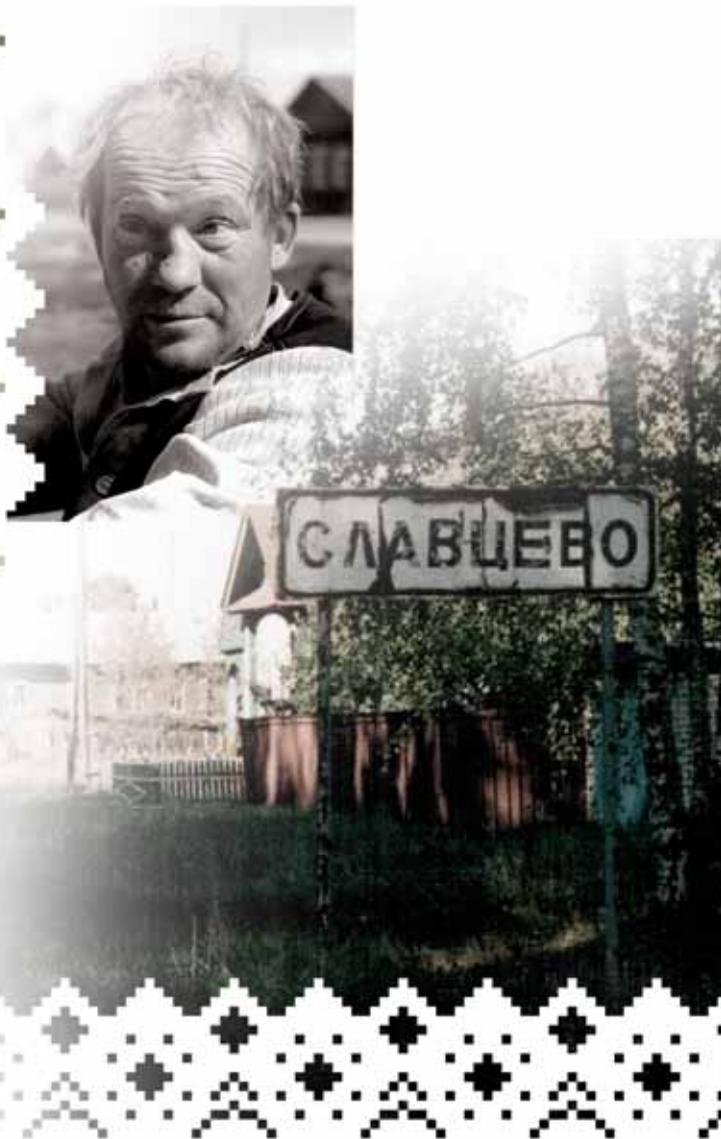
Миллион раз согласен с тем, что мир несправедлив, и все же замечу, что судить обо всем мире по одной школе — не совсем верно. Не везде так. Не всюду такой оболтус может распосясаться и оставаться безнаказанным или вообще оставаться в школе. Я знаю школы, где такого в принципе быть не может.

Встречный вопрос тебе: ты уверена, что этот оболтус так-таки и останется безнаказанным при всех условиях? Что никто не осмелится задать ему хорошую трепку или призвать на помощь тех, кто, по идее, должен давать трепку в таких случаях? Если не учителя, то директор, если не директор, то районный отдел образования. Или участковый, а если не участковый, то средства массовой информации, и так далее?..

Можно принести в класс мобильный телефон, снять несколько кадров, по возможности скрытно, потом показать. Записать матерщину на диктофон, предъявить, когда дело до того дойдет, как вещественное доказательство. Почему такая пассивность? Все тот же страх перед органами? Но сколько можно бояться? Понятно, страх одолеть трудно, риск есть, у папы длинная и когтистая лапа. А если взять да и написать заявление в прокуратуру? И подписаться всем классом, всей школой, да еще родителей подключить?... Глядишь, подействует, и сам папочка оболтуса выпорот, а? Почему не попробовать?

Голоса из мёртвой деревни

Людмила Самойлова

...Истории раскулаченных заставили нас задуматься, куда девалась вся многочисленная живность, зерно, лен. В наше время все подворье — изба, сарай, баня. За чаем наша подружка, веселая, беспашабанная труженица Галя, рассказала о деревне, которую помнила в детстве. Сегодняшняя похожа на театральную декорацию.

— А раньше, — рассказывала Галя, — в лабазе держали корову, овец, коз, поросенка. А если овец и коз разводили множество, строили кошару. Был еще отдельный лабаз для зерна и льна. И сарай с лошадьё, телегой, саниами, упряжьё.

Знакомый Галиной подружки Ани Балатовой еще видел другие амбары. В таких делали толстый пол. В бревенчатых стенах вырезали желоба и вставляли в эти желоба толстые дощатые перегородки, как стойла для лошадей. Каждый отсек — сусек. Получались лари по обе стороны амбара. Посередине оставалась узкая дорожка для хозяев. Иначе выглядело не только подворье, но и изба. Боль-

шое и главное место занимала русская печь. Чем больше казанов, чугунов, тем больше ухватов. Все разного размера. Теперь русская печь редко попадает. Детей нет, скотины нет. Полатей, на которые дети взбирались, особенно зимой — наверху то теплее, — тоже нет. Теперь у нас на всю деревню одна корова и одна девочка Аленка, скоро в город уедет. Галя тоже думала русскую печь убирать: «Ладно-те, ладно, — говаривала она мужу, — пока оставлю для твоей яичницы. Баю, оставлю, пока ты жив. Старайся, лопай». У Гали заболела подруга, и она забегала к ней помогать. А пока помогала, сама слегла от белокровия. На поминках подруга рассказывает: «Приснилась Галя. Смеется. Хорошо мне, говорит, здесь. Я работаю. Может, кому и не по нраву, а я крестьянскую работу люблю».

Жесткий раздел на кладбище. Молокане своих хоронят в отдельном месте. Дружбы между молочанами и православными нет. Наш сосед, пьяница Коленька, не любил молочан за то, что вина не пьют. «Мы, православные, — стуча себя в тощую грудь кулаком, утверждал Коленька, — пьем вино, а они, бактисты, брезгуют».

Сам Коленька люто пил и люто работал. Однажды мой муж сказал: «Ну что ты, Коленька, пьешь и пьешь?» И Коленька серьезно и печально ответил: «Ну кто-то ее должен пить, Николаич». Так что он выполнял тяжелый и безысходный долг. Однажды, высунув лохматую башку из окна, Коленька, увидев нашу дочь, заорал: «Оля, сегодня утро или вечер?» — «Вечер, Коленька, — ответила она, — солнце на западе». Возможно, он не знал, что такое запад, потому что глаза его округлились страшным ужасом: «А где запад, Оля?». Общими усилиями выяснили, что запад — тоже наша территория, и Коленька успокоился.

В отличие от прочих пьяниц, Коленька обладал чувством долга. Вечером он царапался в окно: «Николаич, Николаич, умираю». Муж выносил ему положенные на поллитровку деньги. Я слышала: «Буду должен. Отдам тогда-то». И не было случая, чтобы Коленька пропустил назначенный срок. Возвращая деньги, он жаловался: «Они посылают меня, знают, что мне дадут. А пьют вместе». У Коленьки один глаз закрывало бельмо. Когда я сломала ногу и захромала, он очень обрадовался. Присаживаясь рядом, жаловался: «У тебя, Людмила, нога, тоже несчастье. А у меня глаз. Если бы не бельмо, я бы женился. И детишек завел. И жил бы как все нормальные люди». Но делать операцию категорически не хотел. Неполноценность давала Коленьке право на жалость к себе и право на выпивку. Эх, не задалась жизнь. Через бельмо не увидишь белый свет. Что остается — только пить.

Весной он впрягался в плуг и один пахал свою усадьбу под картошку. Длинная шея покрывалась красными жилами и вытягивалась, как у гуся. И хоть казалось, не сделает шага, усадьбу он выпаживал. Коленька любил цветы. Я получала весной букеты ландышей. Однажды он принес букет с корнями, и я посадила целую охапку. Теперь Коленьки нет, но каждую весну ландыши пахнут в нашем палисаднике. Мы посадили сосну, на следующий день Коленька принес из леса семьдесят сосновых корней и высадил аллею вплоть до нашей речки. Соседка его дразнила «плановиком». И правда, неспроста

Продолжение.
Начало
в № 4.

Коленька высадил сосну, а с умыслом. «Людмила, сахарна, вырастут деревья, не будем ходить в лес за маслятами, а будем собирать вокруг наших сосен. Коленька не дождался маслят. Два дня мы его не видели, а на третий муж пошел его искать на нижний огород, к речке. Коленька лежал, уткнувшись лицом между двух кочек, а из уха через щеку виднелась засохшая струйка крови. Надо думать, умер он от инсульта.

Если продолжать разговор о баптистах, или как теперь их у нас называют, «бактистах», то основное существенное отличие — православные боятся грехов, знают о своих грехах и убеждены, что придется держать ответ. Баптисты уверены, что им место в раю предназначено. Как сказала баптистка Маша: «Над нами горит Золотой Иерусалим, и все мы в нем будем».

Когда же началось разорение земли? Я не хочу уходить в далекое прошлое. Я рассказываю о людях, которых знала, и о том, что знали они. Напротив нас живет соседка, по каким-то причинам вернувшаяся в Славцево из Нижнего Новгорода. Летним вечером 17-го года ее дед, староста, отдыхал у открытого окна. Раздался выстрел, и дед упал. Убил его дезертир. Оказывается, по лесу бродило полным-полно крестьян, бежавших с фронта, людей, начувшихся убивать и ненавидеть. Слово «дезертир» в ее рассказе звучало страшно. Они оказались вне закона и отлученными от земли, домов, детей и потому обреченными на разбой. Их переловили, но страх остался. Земля плохо принимает труд, замешанный на страхе. В 30-е раскулачили последних, кто свободно и с любовью отдавал силы земле. Наша речка Черничка маленькая, но на ней стояли мельницы, которые терли картошку. Хозяйева маленьких терочных заводиков, производивших крахмал, за речкой следили, смотрели, чтобы берега не замывало илом, а дно не мельчало. И ничего удивительного, что одна из наших знакомых девочкой сидела на бережку, полоща ноги, и вдруг к ней подплыла щука, огромная, уставила глазищи и открыла зубастую пасть. В Черничке водилась рыба, и щуки, и сомы в заводях, и налимы, и плотва.

Традиции трудно искоренять, но можно. Вторая мировая война отобрала огромное число мужиков в убитые. А те, кто вернулись победителями, израненные, но истосковавшиеся по мирной жизни, по мирному труду, попали в крепостную зависимость от колхозов. Распределение труда явно имело перевес в сторону женщин. Мужчин физически война оставила в меньшинстве. Женщины в большинстве кормили семьи. Собирались по одиннадцать, тринадцать, и сами пахали, боронили поле. За мужчинами оставили приказ батрачить, навсегда отняв гордое звание хозяев. Поскольку вино хотя бы сохраняло иллюзию нормальной жизни, пьянство стало повсеместным. Власть держала всех в подъяремном труде, и плоды этого труда отымались. А труд на себя был связан со страхом. Косили тайком, детей отправляли, сжав сердце, на заработки. Большие семьи стали убытком. Большая семья нужна для свободного, большого труда. Послевоенные женщины стали рожать по одному, от силы по три ребенка. И это несмотря на запрет делать аборт.

Так стали истаять народная сила и народное множество. Открытого протеста не было, потому что власть проявила небывалую жестокость. Все молokane покорно приняли закрытие еще до войны своей молельни. Православную церковь сожгли при Хрущеве и тоже при полной покорности народа. В 30-е протестовал один Иван Рагулин.

Местные считали, что он с головой не дружил. Кто его знает? Во всяком случае, форма протеста выражалась вполне по-донкихотски, но по отчаянности и к ужасу домашних вполне на русский манер. Иван привязывал к сковороднику белое полотнище, ему казалось, что это знамя белого движения, вскакивал на белого коня, носился по деревне и всеми непотребными словами проклинал советскую власть. Домашние караулили его изо всех сил. Ладно, Иван пропадет, дак ведь могут подумать: каковы сани, таковы и сами. Но когда на него накатывало, справиться с ним было невозможно. Схватят у двери, он в окно выскочит. Ивана забрали, и он сгиб. Семью, слава Богу, не тронули. О том, что люди понимали, что происходит, остался знак, частушка.

Все крашённые вагончики
Пошли на Соловки.
Отцы-матери заплакали —
Поехали сынки.

Находились и те, кто тягался с властью в одиночку, но смело и даже с озорством. Как-то моего мужа с сильной болью забрали в больницу в хирургию. Пятница, вечер, врачей нет. Огромная облупленная палата. На проводе болтается ватт на 150 лампочка без плафона. Кнопка вызова врача нету, врешь, не позовешь. Вместе с мужем еще два мужика из большой деревни Илькино. Один пожилой, другой моложе. Пожилой рассказывает:

— Да кому они нужны, эти колхозы. И после войны, и теперь тем паче никому не нужны. А вот была у нас история. Пришел после войны молодой веселый гармонист. Его сделали завклубом. И все у него в клубе дельно. Бабы поют. Хотите частушки, пожалуйста, с дробушками. И кино крутят. Одно плохо, председатель к нему: «Что это ты вместе с нами сено не косишь? Все колхозу косят, а ты нет. Будешь, как все, у меня косить». А этот завклубом ему и подсыпает: «Я, — говорит, — всё могу. И плотничать, и за скотиной ходить, и плясать». А плясать он, надо сказать, умел лихо, что тебе артист. «И ты спляши. Вот как сплясешь, я пойду сено косить. А так не принудишь». Некуда председателю деться, клубы к культуре относятся. Другая власть. Они с колхозами хоть и тянут пальцы друг к другу, а всё ж не достают. Так он и прошмыгнул между этими двумя властями. Мужу сделали обезболивающий укол, он тоже нас с интересом слушает. Речь все идет о председателях колхозов. Выступил молодой. Ему мать рассказывала: редко хорошие председатели были, а у них так и вовсе урод какой-то. «Ваш гармонист плясать любил, а наш председатель больше всего любил выслеживать, кто берема сена несет. А несете ночью, так он подкрадется тихо, да берема и подождет. Пока человек очухается, а у него на спине цельный костер полыхает». Мужики наши лежат, мы с дочкой сидим и всё надеемся, что может, дежурный врач заглянет.

Старик рассказывает про своих детей. Дочка в Подмосковье живет. Добротно. Муж хорошо зарабатывает. А два родных брата ее мужа владеют магазинами в Москве. И бывает, с семьей дочки все они наезжают в Илькино. Братья дочкиного мужа стыдят двух сыновей старика, что они, лентяи, не хотят деньги зарабатывать. Старик обижается. «Что это, не умеют? Один — капитан милиции. Закончил высшую школу. Честно работает. Второй — агроном в совхозе. От него всем помощь. А придут они с работы, у них забот полон рот. Скотина, усадьба, у них не последние дома: просторные, с газом, водопроводом. А вас бы здесь посадить? Вы, богатеи, скоро снизились бы. Вы и картошку не знаете как

Оформление
Татьяны
Касьяновой

в землю ткнуть. Про скотину и говорить нечего. Если все магазины позакрывать, чем торговать будете? А сами что будете есть?» Время идет. Врача нет. Пока же он не заглядывает, травим истории, из которых вырисовывается смысл, что если бы все люди скотами были, народу нельзя было бы выстоять, полег бы народ.

Я вспоминаю рассказ Нюры Печниковой. Баем мы с ней у колодца, где ж еще. Я нахваливаю сноху моей подруги Ольгу. Вспоминаем, что она недавно мать и младшую сестру потеряла, что отец у нее беспамятный, а она еще успевает свекра и свекровку навестить. Добро бы в Славцеве жила, а то в поселке Паново, за три километра. Нюра кивает, кивает, а потом и говорит: «Ты мать ее не знала, она не хорошая». Я выпучиваю глаза, Нюра делает актерскую паузу. «Она золотая была».

У нас почва плохая, а потому везде промыслы. В Ляхах из лозы корзины, мебель плетут, в Адино из лыка лапти, а у нас валенки (их называют сапогами). С валенок тоже брали налог. Кстати, из-за валяния бани ставили ближе к речке, так как нужно было много воды. Ну и вот, растопили бани в сумерках. Дескать, инспекторам тоже нужно отдохнуть, не пойдут, чай, после рабочего времени по деревням. Кто свою истопил, кого родня пустила. Занимаются делом. Вдруг слышат дикий крик: «Заливайте бани, заливайте, идут инспекторы!» Это и была Ольгина мать. В банях жарко, бабы раздеты до пояса. Выскакивают полуголые, босиком по снегу и с мокрыми валенками на куканы (лежанки у русских печек). Так и отбодались. А Ольгина мать в тот вечер ради славецких, считай, десять километров отмотала.

Вечером на лавке под окном сидим, отдыхаем. На дороге несколько коз сбились в кучу, стоят посереде деревни. Юрик, наш друг, восклицает: «О, бляха, сталинская скотина!» Почему сталинская, он не знает, потому что не помнит. Потом кто-то рассказал, что с коз не брали налог. Спасибо Сталину за это.

Как-то совпало. После уничтоженной огнем церкви и выгоревшего, почерневшего островами поля, кое-где кивавшего голубыми головками льна, лен сажать перестали. Исчезла одна из основных сельских культур, которой держался край. Исчезли расшитые льняные платя, столешницы. Никому не нужная домотканина по сей день кое-где лежит в сундуках. А сломанные станы либо валяются на чердаках, либо сожжены. Кому теперь интересно, что лучшая изба та, которая — «пряха». В ней обязательно окна смотрели и на восток, и на юго-запад. Теперь избы красят. Конечно, мыть удобно. А то еще на городской фасон обклеивают обоями. Но зайдите на закате в некрашеную избу-пряху и увидите вещественно ступившийся свет и бревна, отливающие янтарем.

«Сороковушки», рожденные либо перед самой войной, либо в войну, постарались всех своих детей отправить в город. Ты что, как я, хочешь в плуг впрягаться?! И дети уехали. Отцы перемерли как-то быстро. Остались пожилые женщины, и они изо всех сил тащили крестьянскую работу, чтобы поддержать детей в городах. Молодые люди, нахлынувшие в города, очень отличались от своих городских сверстников. Если горожане стремились к каким-то идеалам, пусть советским, — ведь город был их родиной, и многим хотелось, чтобы эта родина была обустроена правдой, знанием, справедливостью, — то у деревенских была одна задача — войти в городское множество и выжить любой ценой. Духовные связи с деревней рвались. Нужно было ста-

новиться горожанами. Первой утратой был живой язык. А поскольку власть требовала послушания, то и городским приходилось забывать о высокой гордости перед призванием, перед талантом или уважением перед серьезным профессионализмом и учиться у деревенских горожан преклонению перед властью.

Так еще до всяких перемен в государстве комфортное выживание стало знаком уважения к человеку. Парикмахерша, мясник из магазина, повар из ресторана, чиновник стали куда более значимыми, чем жалкие инженерушки, или учителя, или, не дай бог, музейщики. Ребята из деревни рвались к материальным благам и потому, прежде всего, рвались во власть. Сын одной из наших славецких устроился шофером у министра строительства и таким оказался смышленным слугой, что через несколько лет сам стал заместителем министра. Можно сыграть в отгадайку: есть дача и квартира у его сестры и брата? Отгадаем: и квартиры, и дачи с бассейнами, саунами, искусственными ручьями, павильонами и прихотливо разбитыми цветниками — есть.

На деревенской улице громкий спор. Спорят инвалиды второй группы, мой муж и соседка Катя Мусатова. Речь идет о душеспитательном, о деньгах. Муж орет на Катю, что так не бывает, мы живем в одной стране, и чтобы москвич получал инвалидную пенсию семь тысяч, а она в деревне — три с половиной, это какая-то злостная бессмыслица, и Катя все перепутала. Мусатова схибно ухмыляется: «За это вас, москвичей, и не любят. Вам и пенсию семь тысяч, и колбасу, и баранки».

— Какую колбасу, Катя, бери в магазине, чего хочешь!

— Это сейчас, — упорно возражает Катя, — а раньше нам — шниц, а вы жрали, что хотели. И сегодня так же — вам и пенсия, и колбаса. А я что куплю на свои три тысячи? Вот и беру в ужин кусок хлеба, бокал воды да яблоко. Ничего, здоровее буду.

На этом они расходятся. Оба еще кипят, как самовары. Однако дома мы пытаемся разобраться в этой загадке. Почему у крестьян не инвалидов маленькие пенсии, нам уже растолковала все та же Галя, наша подруга. Трудонед зачислялся палочкой. Набери хоть тысячу палочек, в бухгалтерии они рублями не станут. Пенсии начислялись из реальных денег. А реальные деньги были нищенскими. И то их стали платить, когда колхозы перевели в совхозы. Вот и получились нищенские пенсии. Но инвалидность, казалось бы, к трудовым деньгам не имеет никакого отношения. Кстати, разве не странно, что инвалиду, лишенному права работать, не выплачивают к пенсии по болезни ту пенсию, которую он выработал по стажу? По неспособности к труду ведь у Кати пенсия такая же, как и у моего мужа — без права работать. Почему же в деревне, да и в нашем городке, эта пенсия выплачивается слезными рублями? Разве мы живем не в одной стране? Почему же такое неравенство? Разве это можно назвать справедливостью? Нет, это обман.

Последний обман, совершенный над крестьянами, заключается в следующем. Ельцин выдал крестьянам на каждого члена семьи земельные сертификаты (в нашей деревне — на шесть гектаров земли) в собственность. Но реального размежевания не произошло. Люди не получили эту землю. Совхоз якобы до размежевания попросил сертификаты отдать на сохранение, и по извечному закону послушания все отдали. Теперь они лежат в совхозном сейфе. А чтобы получить свою землю, желающему требуется напечатать объявление в местной газете «Коммунар», через месяц должно состояться

общее собрание и подавший заявление обязан по отдельности судиться с каждым, кто поднял руку против. Казалось бы, государство должно захотеть нормального естественного движения земли. Казалось бы, крестьянину можно пользоваться земельным банком. И либо отдавать землю в залог, либо продавать ее. Либо нужно громко заявить, что Ельцин был неправ, и изъять сертификаты. Но делается хуже. Власть ждет, когда способные желающие обработать землю уйдут на тот свет, и сертификаты вернутся к государству. Уже сегодня нет желающих воспользоваться своим правом на землю. Крестьяне — практичные люди и при разговорах об этой земле ссылаются на налог, которым ее облажат. Пользоваться нет сил, а платить налог нечем. Но эти разговоры предположительные. Оно, конечно, хорошо бы продать, да кто купит бумажку. Оно, конечно, хорошо, если бы дети взяли кусок земли и стали ее обрабатывать. Да никто не захочет. И то, зачем? Он лучше поедет в Москву в охранники и будет бить баклуши, чем думать о том, где взять трактор и прочий современный сельскохозяйственный инвентарь. Это вам не топором махать, дрова колоть. А деньги — десять или двенадцать тысяч — по местным понятиям очень хорошие. В нашем городке рабочий чистыми получает на руки четыре с половиной.

И не думайте, что гастарбайтеры — это только азиаты: азербайджанцы, узбеки, киргизы, таджики. Однажды я возвращалась в деревню через Муром поездом. Весь вагон с моим отсеком забили ребята из Сарапула. Работали они вахтовым методом на мойке машин. Две недели по четырнадцать часов каждый день работа, десять дней — отдых дома. И опять-таки, это полурабский труд, потому что никаких договоров-переговоров. Заболел — вали отсюда, тебя заменит другой. Конечно, ребята были возбуждены и изрядно подогреты вином. Один из них с бутылкой шампанского сидел на моей полке и рассуждал: «Вот вы думаете, что мы падем, как рабы. Может, другие и считают себя рабами, а я личность. Вы понимаете, что такое личность? Думаете, напился как свинья, так и мыслей нет? А мысли есть». Поскольку тон у личности звучал агрессивно, я не стала выяснять, что за мысли у него в голове. Четыре с половиной часа пришлось провести сидя, изображая полную лояльность. Бутылки прибавлялись, разговоры велись в основном о москвичах, которые «привыкли к костюмчикам с галстуками, а настоящим трудом до седьмого пота брезгают, их вся Россия кормит и содержит», и становились все более громкими. Ко мне все-таки пристали. Пришлось объяснять про театр, про то, как однажды мне довелось увидеть вблизи хорошего пианиста, работа которого за клавишами мне напомнила работу грузчика. Пот тек градом у него по лицу. Как-то мы сошлись на том, что любой честный труд, хоть мойщика машин, хоть писателя, не мед и не сахар.

Так мы доехали до Вековки, где на перроне и в вагонах рабочие из Гусь-Хрустального продают всякие поделки — люстры, рюмки, китайские шкатулки. Продаются они вынужденно, так как товар им выдают вместо зарплаты. Мой сосед купил жене блестящую, переливающуюся чем-то внутри, шкатулку. Наверное, что-то поймал в моем взгляде, он гордо сказал: «А что, гламурная вещица». Потом, посидев, как-то грустно, строго добавил: «Вы бы себе такую не купили». Мне стало очень жаль этих ребят. Поезд подъехал к Мурому...

(Продолжение следует)

Ежедневный развлекательно-познавательный интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!

Новое в июле 2010 года:

- июльский выпуск развивающей стенгазеты «Солнышко»;
- новые викторины с призами;
- июльские фотоконкурсы детского обаяния;
- сценарии проведения детского дня рождения; и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт www.solnet.ee!

С 1 сентября открывается подписка на «Семью и школу» на 2011 год

В любом отделении связи вы сможете оформить подписку на журнал по одному из следующих индексов:

- 70909** (подписка на первое полугодие) и **72372** (годовая подписка) — Агентство подписки и розницы, оформление по Объединенному каталогу «Пресса России»;
- 70906** (подписка на первое полугодие) и **83335** (годовая подписка) — Агентство «Роспечать», получение журнала бандеролью, оформление по каталогу «Роспечать»;
- 99351** (подписка на первое полугодие) и **11387** (годовая подписка) — Межрегиональное агентство подписки, оформление по каталогу «Почта России».

Можно также подписаться через редакцию.

В июле и августе проходит досрочная подписка на журнал по ценам 2010 года.

Продолжается подписка на оставшиеся месяцы 2010 года.

Подробности — на сайте mag7a.narod.ru

Страна Твардовского

К столетию со дня рождения поэта

Мариэтта Чудакова

1.

В поэме Твардовского «Страна Муравия», немало места уделено коню — во всех с детства досконально знакомых автору деталях:

Бредет в оглоблях серый конь
Под расписной дугой,
И крепко стянута супонь
Хозяйскою рукой.

.....

Тот конь был — нет таких
коней!!

Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.

Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч —
Держались на коне.

Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берег
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.

К тому времени Твардовский уже знал про горестную судьбу своей семьи.

...Все, можно сказать, произошло из-за лошади...

Пожалел отец Трифон Гордеич Твардовский свою единственную лошадь, сданную им в общественный фонд при вступлении в артель. Увидел, что в общественном пользовании нет за любимцем семьи Пахарем должного ухода. «Как он заметил меня — завертелся, бьет, копает землю и как не скажет: “Спаси! Уведи!” А жара! В затишье там — ни ветерочка! Слепни, мухи — роем возле него! Тут сучья, коряги, и привязан он к яблоньке. Запутался, бьется! Вижу — беда! Сердце мое только тук-тук... Распутал, отвязал, прицепил к недоузду ремень...

...- Обвинят же тебя! — с выражением непоправимой беды, плача, говорила мать... — Я не украл! Конь — мой!» — так описывал впоследствии происходящее в 1931 году в семье брат поэта Александра Твардовского Иван. Семья считала, что с этого импульсивного отцовского поступка, вызванного впитанным в кровь русского крестьянина отношением к коню, начались их беды... Назавтра

Пахаря увели, конечно, обратно, глава же семьи уехал в Донбасс — пытаться что-то заработать. Потом семье назначили непосильный индивидуальный налог, который надо было выплатить в три дня — и охваченный страхом, чувством безысходности, подался из дома в Среднюю Азию старший брат Константин, забрав с собой брата Ивана, чтоб уменьшить количество ртов...

Семью это не спасло. Мать с маленькими детьми выгнали из родного дома, посадили на телегу и повезли как можно дальше от родных мест. К ним скоро присоединились отец и старший брат.

С опозданием молодой Твардовский — еще начинающий, никому, кроме узкого круга друзей неизвестный, но очень верящий в себя поэт — в Смоленске узнал, что всю его семью «раскулачили» и выслали на северный Урал. Добился приема у тогдашнего секретаря Смоленского обкома партии.

Позже Твардовский напишет: «Он мне сказал (я очень хорошо помню эти слова), что в жизни бывают такие моменты, когда нужно выбирать “между папой и мамой с одной стороны и революцией — с другой”, что “лес рубят, щепки летят” и т. п. Я убедился в полной невозможности что-либо тут поправить и стал относиться к этому делу, как к непоправимому несчастью своей жизни, которое остается только терпеть, если хочешь жить, служить своему призванию, идти вперед, а не назад».

Сохранилось его письмо другу-ровеснику от 31 января 1931 года, полное отчаяния: «Я добит до ручки. Был у секретаря обкома, он расследовал дело насчет обложения хозяйства моих родителей и — признано, что обложению подлежат... Я должен откинуть свои отдельные недоумения и признать, что это так.

Мне предложили признать это и отказаться от родителей, и тогда мне не будет препон в жизни.

АПП же (*Ассоциация пролетарских писателей*. — М. Ч.), несмотря ни на какие признания (а я признал и отказался), хочет, страшно хочет меня исключать.

Скажи ты мне ради Бога, неужели это мой конец. Скажи. Поддержи.

Почему я один должен верить, что я, несмотря ни на какие штуки, буду, должен быть пролетарским поэтом?»

2.

Как возникла в его жизни эта глубокая трещина?

... В 1917 году будущему поэту — семь лет. *Досоветское* деревенское детство уже вошло в плоть и кровь, легло на дно будущего творческого воображения невынимаемым пластом векового крестьянского уклада. А в стране начинается другая — какая-то новая — жизнь. Она совпадает с его отрочеством — временем жажды нового, а у мальчика Саши Твардовского пронизанного мутным ощущением собственного таланта.

Тяжелая инерция крестьянского быта, тесной общей жизни многодетной семьи становится поперек бродившей в жилах творческой силе. Эта сила еще не проявила себя в реальных результатах, но сам он ее ощущает, и она властно требует *свободы* — этого неперемennого условия творчества.

Он рвется в город — и уходит из семьи в Смоленск. Его цель — писать и учиться.

Годы его отрочества упали на первую половину 20-х — когда социалистическая утопия была еще живой и увлекала юные сердца. Твардовский поверил, что деревенскую темноту, тяжкий, изнурительный крестьянский быт смогут преобразовать — осветить нездешним светом. Ему легко было поверить, что собственнический инстинкт, без которого нет крестьянского двора, не лучшее, что есть на свете, — и пойти за иными ценностями.

Манила городская культура, кружила голову новая, получившая полноту власти идеология, обещавшая в скором времени установить всеобщее равенство и справедливость. А кто же в отрочестве и юности не поверит во все хорошее? Ведь недаром в русских сказках герой ищет страну, где текут молочные реки в кисельных берегах...

Молодой Твардовский увлечен размахом преобразований и, если даже видит их жестокость, то не представляет ее масштаба.

Дело в том, что с первых советских лет власть позаботилась об отсутствии добросовестной и гласной статистики — тем более информации. И многим людям все плохое казалось единичным, случайным, зависящим от воли отдельных недобросовестных начальников.

По крестьянской наивности верил, видимо, и молодой Твардовский

В Смоленске стоит памятник знаменитому земляку и самому известному его литературному герою

в «перегибы» на местах. Верил, что Сталин этого не хочет и не имеет, возможно, об этом информации...

3.

Напечатанная в 1936 году поэма «Страна Муравия» принесла ему подлинную славу. Поэма была о крестьянине, пытавшемся жить прежним отдельным крестьянским двором, но к концу поэмы уразумевшим, что иного пути как в колхоз — нет.

Прославившийся автор первым делом совершил то, о чем и подумать не мог раньше — поехал к родителям и перевез всю семью в Смоленск...

Итак, поэма вроде бы прославляла коллективизацию? Ведь сам молодой поэт верил тогда в правильность этого пути? Да, верил. Но не так все просто в творчестве большого поэта. И стих может оказаться мудрее мысли, политических убеждений.

Литератор М. Шаповалов вспоминает: в послевоенные годы его отец-фронтовик любил читать гостям или просто домашним «в хорошую минуту» поэмы Твардовского — в первую очередь лучшее, что написано стихами о Великой Отечественной войне — поэму «Василий Теркин» с подзаголовком «Книга про бойца». «...Но была еще другая поэма Твардовского, она при гостях не читалась во избежание разговоров, могущих быть истолкованными как антисоветские. Я имею в виду «Страну Муравию»».

Дальше в воспоминаниях этих цитируются узловыи строки поэмы, являющиеся ее стиховым центром:

...И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

Земля в длину и ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел — покашивай,
Поехал — поезжай.

И все твое перед тобой,
Ходи себе, поплеывая.
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые.

Весь год — и летом, и зимой,
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой, —
Коммунии, колхозии!..

Фронтовик правильно чувствовал опасность — «антисоветскость» любимой им поэмы. *Силою поэтического слова, правдивого по сути, Твардовский победил собственную тенденциозность* — «идейный смысл» поэмы: он не перевешивает эту «бубочку».

...Характерен не вошедший в печатный текст черновик из рукописей поэмы — картина разрушенной крестьянской жизни:

Дома гниют, дворы гниют,
По трубам галки гнезда вьют,
Зарос хозяйский след.
Кто сам сбежал, кого свезли,
Как говорят, на край земли,
Где и земли-то нет.

И еще две строфы не пропустила цензура начиная с первой, журнальной публикации 1936 года — их автору удалось включить только в пятитомное собрание сочинений 1966–1971 годов (последнее прижизненное издание).

Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли вoзaми
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки,
Милицейские ребята
Выводили под руки.

4.

Тут подошел и 1937-й год — когда людей стали хватать и отправлять под расстрел или на Колыму уже

безо всякого разбору — по разнарядке, спускавшейся в каждый район: «не добрать» арестованных до нужной цифры значило лишиться партбилета, а там и головы.

В Смоленске арестовали друга и наставника Твардовского — критика А. Македонова. И близко знавший Твардовского писатель А. Бек записывает в дневник, что позиция поэта «такова: он не может отказаться от Македонова, не может признать его врагом народа... Он должен быть убежден в разумности, в правдивости всего, что совершается, только тогда может писать». Он сказал:

— У меня двадцать стихов начатых или замысленных. И я не могу ни за одно приняться.

И вместе с тем признать разумность ареста Македонова он не может.

— Нельзя так обманываться в людях, — говорит он. — Если Македонов японский шпион, тогда и жить не стоит. Не стоит, понимаешь!» (*Курсив наши. — М. Ч.*)

Только так и мог он жить и писать.

А когда разуверился в разумности происходящего, написал сатирическую поэму «Теркин на том свете» и отдавал все силы, будучи редактором журнала «Новый мир», тому, чтобы печатать произведения, в которых видел *правду* о своем жестоком времени.

И когда легла на его редакторский стол повесть неведомого автора с подписью А. Рязанский — о существовании в одном из рассеянных по всей стране советских лагерей без вины оторванного от своей семьи, от двора, от земли крестьянина Ивана Денисовича, — сделал все, чтобы появилась в журнале осенью 1962 года повесть «Один день Ивана Денисовича» и ее враз прославившийся автор А. Солженицын.

Советская власть ему этого не простила. В конце концов отняли журнал. Твардовский почти сразу же тяжело заболел. И год спустя умер.

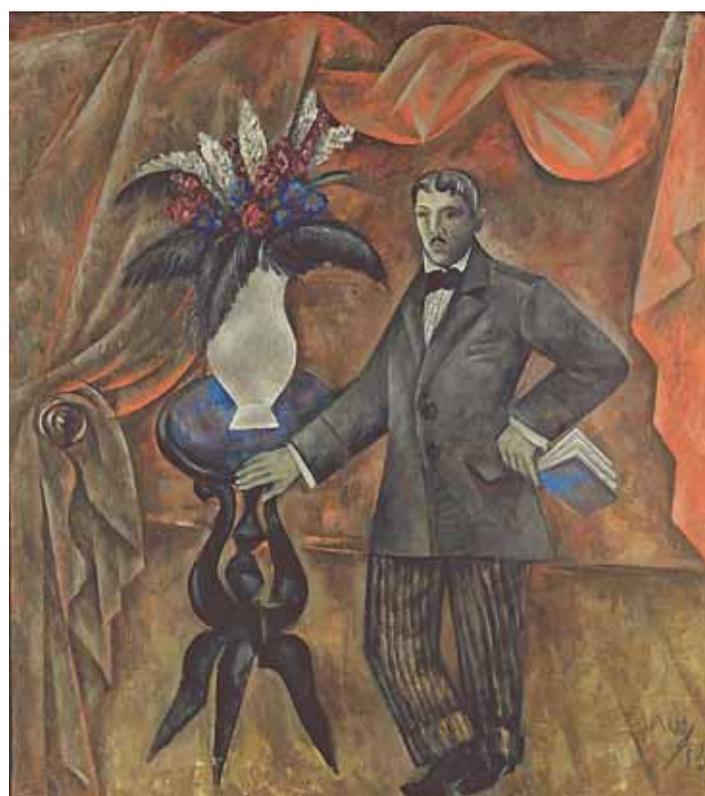
Любивший его поэт-фронтовик Константин Ваншенкин написал тогда такие простые и горестные строки:

... Какой ужасный год,
Безжалостное лето,
Коль близится уход
Великого поэта.

...Как странно все теперь,
В снегу поля пустыи...
Поверь, таких потерь
Немного у России.

Тихое искусство Мастера

В Третьяковской галерее прошла выставка Александра Шевченко. В экспозиции было представлено более 150 произведений живописи и графики из собрания Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и частных собраний.

Вывесочный натюрморт. Вино и фрукты. 1913

Выставка эта проходила почти одновременно с выставкой Александра Дейнеки, размещалась рядом. Большинство зрителей, посмотрев одну экспозицию, стремились увидеть и другую. Поражались разительному контрасту: художники, не будучи ровесниками (Шевченко старше на шестнадцать лет, родился он в 1883-м), несколько десятилетий работали, что называется, бок о бок, в одном цехе советских живописцев, — но словно принадлежали разному пространству и времени. Разные характеры, темпераменты, разное понимание языка и назначения искусства; разные судьбы.

Шевченко получил художественное образование в Строгановском училище, в течение двух лет жил в Париже и учился в Академии Родольфо Жюльена, затем в мастерской Эжена Каррьеря. В Париже успешно выставился в «Салоне незави-

Портрет поэта. 1913

Вверху: Спящий мальчик. 1911

симых». Тем не менее, вернувшись в Москву, решил продолжить образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где сблизился с Давидом Бурлюком, Робертом Фальком, Михаилом Ларионовым. В 1910 году друзья участвуют в шумевшей выставке «Бубновый валет», а на следующий год Шевченко помогает Ларионову и Гончаровой в устройстве выставки с еще более претенциозным названием — «Ослиный хвост». Увлечение Сезанном, кубизмом, примитивным искусством для Шевченко не прихоть, не ученичество, не временная страсть; под обаянием Сезанна он оставался всю свою жизнь. Восхищался наивным искусством Пиромани. Его не смущало, когда ему указывали на сходство мотивов и живописных приемов: «Не надо бояться писать с чужих картин. Живопись самодовлеющая, и потому то, что в толпе принято называть копией, на самом деле не

будет таковой. В двух похожих друг на друга (по сюжету) произведениях будет разная живопись, разная фактура, разная структура». Его «вариации на тему» свидетельствовали о живописном мастерстве, о подлинной художественной культуре, о живом чувстве традиции.

После Октября Шевченко активно участвовал в работе отдела изобразительных искусств наркомпроса, преподавал в государственных художественных мастерских, во ВХУТЕМАСе; организовал Музей живописной культуры (просуществовал недолго). В 20-х годах он увлечен бурлением художественной жизни: вступает в общество «Маковец»; когда там начались разногласия, организует общество «Цех живописцев». В 30-е годы все меняется: началась борьба с формализмом; как пример «эстетствующего формалиста» Сталину был назван именно Шевченко. Устроенная в

Солдатский флирт (Солдаты с горничной). 1915–1916

Вверху: Прохожая. 1932

1933 году в Музее изобразительных искусств персональная выставка художника, через десять дней была закрыта без объяснения причин. Ощущая идеологический пресс и опасаясь ареста, Шевченко тем не менее не сломался. Его по-прежнему увлекали чисто художественные задачи. Занимается монотипией: это вид графики, когда на стекло или металл наносится изображение масляной краской, а затем делается отпечаток на бумаге. Создает пейзажи и натюрморты в духе «тихого искусства» (этот специальный термин говорит о его камерности). Живет очень уединенно, часто впроголодь. Лишь в 1941 году, за семь лет до смерти получает место преподавателя на кафедре живописи в текстильном институте. становится затем заведующим кафедрой.

Ему пришлось жить в атмосфере несвободы, но несвободна ли его прекрасная живопись?

У срубленного дерева. 1922

Вверху: Художницы под зонтиком на пляже. 1933

Любить нельзя ругать

Елена Никитина

— Мамочка, только не убивай меня, пожалуйста!

Второклассник Толик не боится «расправы», но не знает, как не огорчить маму.

— Та-ак! — грозным голосом, но не страшно, реагирует родительница. — Что еще?

— Двойка по английскому, я тетрадь не сдал.

— Я же ее тебе сама в портфель положила!

— Ну да, сдал, но учительница все равно двойку поставила, как будто не сдал.

Толик, конечно, расстроен, но маму не боится, поэтому излагает подробно и обстоятельно.

— Убью! — реагирует мамаша.

— А кого, меня или учительницу? Мамочка, давай не меня, а учительницу?

Гроза явно миновала, и Толик начинает нам показывать лизуна, которого он выменял на три стикера.

Мой сын учится с Толиком в одном классе, поэтому с Катей мы почти ежедневно встречаемся на школьном дворе. Ситуация ее озадачила и возмутила. Если тетрадь сдана, то почему двойка? Сын что-то недоговаривает? Пытаюсь спасти Толика и утешить его маму:

— Может, англичанка от расстройства перепутала что-то, от нее недавно муж ушел...

И тут — прямо как в кино! — учительница-обидчица.

Катин разговор с ней занял минуты полторы. Педагог удалилась, а Катерина — кандидат наук, доцент, вузовский преподаватель — стала выглядеть еще более озадаченной.

— Он, оказывается, сегодня тетрадку сдал последней, ей показалось, что он пытается ее куда-то спрятать, деля вид, что сдает, поэтому она решила его повоспитывать и вкатила пару... Мне надо ругать ребенка, но за что?

— А если не ругать?

— Я педагог в третьем поколении, я точно знаю, что родители обязаны поддерживать учителей...

Услышав произнесенное собой же, Катя вдруг начинает утрачивать твердость голоса.

Любой родитель, имеющий минимальный педагогический опыт или знакомый с азами традиционной педагогики, согласится: свои дети — совсем не то, что чужие. Мы для них стоим отдельно от всего мира, являясь при этом его частью. Такая вот диалектика. Насколько серьезно конфликтуют педагог и родитель, существующие в одном теле, я почувство-

вала всей шкурой и со всех сторон. Моя мама — школьная учительница с 45-летним стажем, и педагог в ней еще полвека назад задавил прочие социальные роли. Мои личные воспоминания о «счастлимом детстве» никак не связаны с семьей, а у моих двоих детей из-за этого нет бабушки.

О том, что поступление в школу — стресс для ребенка, пресса напоминает каждый год — к «сезону». Но почему-то не встречала ни строчки о том, какой стресс в этот момент испытывают родители. Особенно успешные полобить своего ребенка не только «природной», инстинктивной любовью, а разгневанные в нем личность и интересного человека, пусть пока еще и небольшого роста.

Мне повезло с дочерью. Еще в четыре года знакомая учительница определила: «Отличница». И действительно: особых проблем с ней не было, хотя учиться на одни пятерки она стала только в средней школе. С сыном все оказалось несколько сложнее: он у нас получился «на любителя». Головастый, рукастый, сообразительный — но в то же время избирательно забывчивый, непредсказуемый, болтливый, излишне активный, порой стремительный, но нередко медлительный и нерасторопный. Такой ребенок может вызвать у посторонних взрослых как любовь к себе, так и хроническое раздражение. Чтобы не получить к окончанию четвертого класса невротика с разрушенной личностью, следовало не ошибиться с выбором школы.

Дочка первая учительница применительно к сыну меня устраивала. Он ездил со старшими на экскурсии, присутствовал на всех классных праздниках-огоньках, участвовал в конкурсах и получал призы. Когда наступило «время Ч», от учительницы последовало распоряжение: «В очередь на запись в школу стоим первыми». Четко поданная команда была нами выполнена, я успокоилась, как казалось, на ближайшие четыре года. Ситуация сложилась практически идеальная: ребенок знает и почти любит педагога, не раз бывал в школе и классе; учитель изучал будущего ученика на протяжении предыдущих четырех лет; родители отдают ребенка в хорошо знакомые руки.

Однако первый класс принес не просто разочарование — шок. И сейчас, когда сын оканчивает второй класс, а ситуация немного утряслась и сгладилась, происходившее весь предыдущий год кажется мне все более диким и нелепым.

Наша учительница известна в микрорайоне, считается одной из лучших, в классе нет случайных людей. Но на первом же родительском собрании практически все родители

услышали именно то, что хотела донести до них учительница: дети неполноценные, неразвитые, глупые, невоспитанные, за исключением одной девочки Вероники...

Далее началось нечто вообще непонятное. За малейший проступок детей отправляли для разборок в кабинет завуча, а та угрожала малышне милицией и даже снимала телефонную трубку, изображая, что набирает номер отделения. И удивлялась, что никто не реагирует ожидаемым образом — не плачет и не писается от ужаса.

Школьный психолог, к которой я обратилась по поводу поведения в классе «гиперактивного» мальчика (его родители как будто даже гордятся таким диагнозом), предложила поработать с моим сыном («Раз уж вы пришли»), который, как и другие дети, физически страдал от этого мальчика, в том числе и на уроках.

Не реже раза в неделю сын стал приносить записи в дневнике. Почитаешь: в школу пробрался закоренелый семилетний правонарушитель...

Меня явно подталкивали к решительным действиям: ссылке на галеры, расчленению, посадке на кол... Но до сих пор я считала ребенка вполне вменяемым! Можно было бы думать, что учительница не оказалась «любителем» моего сына. Однако то же самое, как выяснилось, происходило и со всеми остальными детьми — за исключением, пожалуй, двух-трех тихих девочек, чьи тетрадки напоминали прописи.

«Преступления» были таковы.

Первоклассник на перемене пропрыгал от туалета до класса на одной ножке (никого не задев и не сбив, не расшибившись сам), — замечание.

В столовой случайно наступил на валявшуюся на полу вилку, вилка пополам — замечание.

Зачеркнул в своем дневнике сделанную по ошибке (предназначалась другому) запись учительницы — новое замечание.

Весь первый класс нам не ставили оценок — не положено. Во втором в тетрадях появились малюсенькие и очень редкие пятерки и сытые, какие-то смачные, на три клетки, двойки. Может, детские каракули и не заслуживают большего, но разве работа без единой ошибки — это три? Мама поинтересовалась, за что так мало. Ей ответили: «За почерк».

Меня в детстве за тройки ругали. Но если впервые в тетради нет ошибок, но все равно — опять тройка? Школьные учителя пытаются руками родителей расправиться с детьми, не умея справиться с ними самостоятельно? Перекалывают на родительские плечи еще и обязанность по обучению детей? Тогда зачем мы отдаем их в школу?

У дочери, трепетной и чувствительной, троек было немного, она

очень старалась. С первых же школьных (или еще дошкольных?) дней мы ей повторяли: «Что бы ни произошло, мы не станем любить тебя меньше».

С сыном сложнее — его нельзя заставить стараться. Во-первых, такой характер, что давить бесполезно; во-вторых, он убедился (или делает вид, что убедился, — с дурака меньше спрос) в собственной тупости.

Любого человека надо хвалить — тогда и крылышки отрастают, и почерк красивой становится, и даже солнышко светит ярче. На днях в одной психологической статье нашла подтверждение своему верному поведению по отношению к детям: мама — это тот человек, который всегда за своего ребенка, сколько бы ему ни было лет.

Я не ругаю детей за двойки и замечания — они и так сильно переживают, им достаточно видеть, как мы с отцом огорчаемся. Мы помогаем им решать задачи и делать доклады, а узнав о плохих оценках... покупаем мороженое. В качестве «лечебного питания». И поверьте: домашние задания после этого выполняются гораздо успешнее.

Любовь внука делает из меня настоящую бабушку!

В самом звучании слова «бабушка» есть что-то уютное, доброе, родное. Бабушка — сама забота, ласка и безграничная любовь. Настоящая бабушка представляется многим седовласой женщиной в цветастом платочке и платье с передником; она печет самые вкусные пироги на свете и вяжет носочки. Но так было раньше, в патриархальной русской жизни. Некоторые современные бабушки не всегда готовы мириться с отводимой им социальной ролью. Да и внешне они не очень ей соответствуют.

Молодые бабушки, как правило, работают, модно одеваются, посещают косметические салоны, ходят в бассейны, любят выпить чашечку кофе с подругами и совершенно не собираются от всего этого отказываться ради того, чтобы менять подгузники и варить каши. Они живут в своем мире, в котором место, занимаемое внуками, строго определено. При этом состоятельные бабушки, как правило, не отказывают своим детям в материальной помощи, покупают внукам красивые игрушки и раз в месяц могут «вывести их в свет».

Но есть и другие бабушки, которые, хотя уже и вышли на пенсию, вовсе не торопятся помогать своим детям. Кому-то не позволяют здоровье и средства. У кого-то все силы забирает приусадебное хозяйство. Но есть и такие, кто заполнил свою жизнь телевизионными сериалами, и так как внуки мешают им смотреть телевизор, то выбор зачастую делается в пользу последнего. Находятся даже те, кто берет со своих детей деньги за заботу о родных внуках... В общем, образ русской бабушки в последнее время несколько потускнел. Отсюда вопрос: какой же должна быть бабушка?

Многие психологи и семейные специалисты с сожалением констатируют, что институт бабушек вообще может прекратить свое существование. Меняется модель семьи; сейчас в ней не семеро по лавкам, а мама, папа и ребенок. Вязанные носочки можно купить в магазине, пироги — в кулинарии, а сказку расскажет няня, которая может сделать это даже на нескольких языках.

Доктор психологических наук Алла Семеновна Спиваковская выделяет два

типа бабушек: «бабушка-жертва» и «бабушка-соперница». «Бабушка-жертва» воспринимает роль бабушки как центральную для себя, взваливает на свои плечи груз хозяйственно-бытовых и воспитательных забот, отказываясь от профессиональной деятельности, ощущая ограничение дружеских контактов и досуг. Сделав заботу о семье, детях и внуках смыслом своего существования, пожертвовав многими другими сторонами личной жизни, она испытывает противоречивые чувства, включающие недовольство близкими, обиду за недостаточную благодарность с их стороны, тоску и раздражение. Характерная позиция внуков такой бабушки — любовь к ней и вместе с тем зависимость, привычка к опеке и контролю, трудности самоконтроля и общения с другими детьми.

«Бабушка-соперница», на первый взгляд, более рационально совмещает свои разноплановые обязанности, продолжает работать, посвящая внукам выходные и отпуска. Она неосознанно соперничает с дочерью или невесткой в том, чтобы быть лучшей, более успешной «матерью» внуку. Она ищет ошибки и промахи родителей ребенка, а все успехи в воспитании приписывает себе. Внуки чувствуют, что взрослые конфликтуют, и либо винят себя за это, либо прагматически используют противоречия позиций взрослых.

Так какой же бабушкой хочу быть я?

В деле воспитания и становления личности моего Андрюши я хочу сыграть роль более ценную, чем десяток самых образованных нянь и гувернанток. У меня два педагогических образования, в том числе высшее, о чем я позаботилась еще до рождения внука-первенца. Именно ради внука я не только не отказываюсь от профессиональной деятельности, напротив — осенью стала победителем конкурса профессионального мастерства «Воспитатель года — 2009», доказав прежде всего себе, что малыши — мое всё! Я еще полна сил, тоже хочу модно одеваться и молодо выглядеть. И хочу чувствовать себя необходимой, тем более что у меня есть желание и возможность помочь своим детям в воспитании внука. А что касается вкусных пирогов и вязаных вещей,

это замечательно получается у моей любимой снохи Юли. Зачем мне делать то, что она делает почти профессионально?

Возможно, на законодательном уровне когда-нибудь исправят вкравшуюся в календарь праздников несправедливость. И в нем появится «День бабушек». Как, например, во Франции, где он отмечается в первое воскресенье марта. Французские бабушки, редко напоминающие старушек, пьют ликер с миндальными пирожными, получают подарки. Хотя большинство из них видят своих внуков как минимум раз в неделю, они с нетерпением ждут «бабушкиного дня», когда все их дети и внуки собираются вместе. Турфирмы устраивают бесплатные туристические поездки для бабушек с внуками, рестораны предлагают особые меню, в магазинах открываются специальные секции, где бабушки могут купить товары со скидками.

А в Польше маленькие и взрослые внуки поздравляют своих бабушек с их «профессиональным» праздником, «Днем бабушки», 21 января. В этот день всем бабушкам дарят цветы и подарки, обязательно заходят к ним в гости. Бабушки с радостью встречают своих внуков и угощают их сладкими пирогами. День бабушки празднуют в Молдавии, Украине, Италии, Турции. В России такого праздника нет, лишь 1 октября отмечают День пожилых людей. Но это все-таки не то...

Я люблю своего маленького Андрюшку, рожденного в год Быка под знаком Весов, и верю, что эти знаки скажутся на его дипломатичности и настойчивости. Верю, что и он поспособствует появлению не только праздника «День бабушек», но многих хороших законов для нас — бабушек и дедушек...

Ольга Королева, воспитатель детского сада № 9 город Чистополь, Республика Татарстан

Звучащие сказки

Ксения Иванова

Читатель уже дважды (в № 3 и № 4) встречался с рубрикой «Звучащие сказки». Ее материалы должны помочь родителям справиться с недостатками в развитии речи детей.

Предлагаемые сказки призваны совершенствовать артикуляцию, закреплять те или иные звуки речи. При этом расширяется словарный запас ребенка, обогащаются его представления об окружающем, развиваются восприятие, память, мышление. Ребенок учится пересказывать услышанное, обсуждать то, о чем говорится в сказке.

Полная корзинка

Лес начинался прямо у дороги. Настоящий Лес — с высоченными елями, дубами, с зарослями орешника.

Люди, подняв голову к верхушкам елей, говорили восторженно и удивленно: «Какая красота! Какая тишина! Просто звенящая тишина!»

— Это у меня-то тишина? — удивлялся Лес.

И действительно, не было и секунды, когда Лес молчал бы. Даже в самые тихие ночные часы слышались в нем таинственные звуки.

Как-то раз в Лес пришли с корзинками Маша и Сережа. За грибами. Проходили два часа, но грибов так и не встретили, только очень устали.

— Противный Лес, — начал ныть Сережа. — Ничего в нем нет, корзинка пустая, не приду сюда больше.

— Это я-то противный? — не на шутку обиделся Лес. — Наполню я ваши корзинки, вот увидите...

А чем наполнит, не сказал...

Дети пришли домой, поставили корзинки и забыли про них. А в корзинках и точно что-то было... Вечером, когда дети сели ужинать, из корзинки послышались какие-то звуки. Сначала тоненькое «И-и-и-и-и», потом низкое «Ж-ж-ж-ж».

— Ты чего пищишь? — спросил Сережа.

— А ты чего жужжишь? — удивилась Маша.

— Это не я.

— И не я тоже.

— Это мы, — раздалось из корзинки.

— Кто мы? — удивились дети.

— Мы — звуки Леса. Никто не уходит из леса с пустой корзинкой, вот и ваша наполнилась. Хотите поиграть с нами? У Леса много загадок! Мы будем вылетать из корзинки, а вы попробуйте отгадать, что или кто так звучит в нашем лесном царстве.

— Вот здорово! — воскликнула Маша.

— Ну давай попробуем, — согласился Сережа.

— И-и-и-и, — снова тоненько раздалось из корзинки.

— И-и-и-и, — повторила Маша.

— Чей же ты звук? Ты тоненький, значит, и хозяин твой должен быть маленьким.

(А ваш малыш не догадается сразу, кто это?)

— Догадалась, догадалась, твой звук — комариный голосок, комариный пи-и-и-иск.

— Ж-ж-ж-ж, — раздалось рядом.

— Ж-ж-ж-ж, — повторил Сережа. — А твой голос низкий, кто же ты? Что-то степенное и неспешное...

— А я догадалась, — улыбнулась Маша.

(И ваш малыш уже догадался?)

— Я тоже, тоже догадался, — воскликнул Сережа.

— Ты жужжание шмеля. Я слышал такой звук, когда мы вышли на солнечную полянку.

— Теперь посложнее, — раздалось из корзинки.

— Др-р-р-р, Тр-р-р-р, Др-р-р-р, Тр-р-р-р.

— Др-р-р-р, Тр-р-р-р, — повторили ребята. — Такие раскатистые звуки мы точно слышали, но чьи они? Доносились они с верхушки дерева. Будто какой-то инструмент работал, постукивал.

(Сложную загадку задал Лес, попробуйте подсказать ответ своему малышу.)

— Ну что, сдаетесь? Я — голос дятла. Когда дятел стучит по дереву, звук будто раскатывается по Лесу.

— А нас отгадаете? — из корзинки раздалось хитренькие голоса. — З-з-з-з, Зи-зи-зи-зи, зи-зи-зи-зи.

— Знаем, знаем! Это разные мошки и букашки поют.

Из глубины корзинки донеслось тихое, далекое «Ку-ку». Маша и Сережа улыбнулись: уж эти звуки они-то знали. А следом за «Ку-ку» послышался щебет, теньканье и посвистывание, будто дом наполнился разными пичужками: «Тень-тень-тень, Фью-фью-фью, Пиу-пиу-пиу, Свить-свить-свить».

— Это же лесные птицы! — обрадовались дети.

— А вы хотите спеть, как птички? — раздалось из корзинки.

— Давайте вместе! — подхватили Маша и Сережа.

И всё вокруг закружилось и запело.

(Попробуйте тоже.)

— Чавк-чмок-чавк-чмок, — раздалось из корзинки. — А нас не забыли? Мы ведь тоже лесные звуки, хотя и не такие красивые.

— Вы — звуки лесных болотцев и луж. Вас слышно, когда в сапогах в воду ступаешь.

В корзинке заухало, зашумело, заскрипело... «Ух-ух-ух, Ш-ш-ш-ш-ш, У-у-у-у, Скр-скр-скр-скр».

— Это что за звуки? — насторожилась Маша.

— А я догадался, — сказал Сережа.

(А вы догадались?)

— Это таинственные звуки ночного Леса. Так ухают совы, скрипят старые деревья.

(Пошуми с нами, как ночной Лес.)

— А ты говорил, что корзинка у нас пустая... — прошептала Маша.

— Никто не уходит от меня с пустой корзинкой, — донесся голос Леса, — нужно только уметь слушать...

Попробуйте продолжить игру:

— Какие еще звуки могли бы находиться в корзинке?

— Придумайте звучащие лесные загадки.

— Придумайте историю о звуках города, отгадайте, кому они принадлежат, кто или что их издает.

— Повторите звуки, упомянутые в сказке, с разной интонацией. Может ли один и тот же звук быть веселым, страшным, загадочным?

— Подумай, какие звуки Леса были звонкими, а какие глухими.

— Перескажи сказку от имени Леса, птиц, насекомых. Какие «человеческие» звуки услышат они?

Журналистка еженедельного приложения к «Известиям» Ирина Мак брала у меня интервью в связи с выходом последней части детектива для подростков «Дела и ужасы Жени Осинкиной» — «Завещание поручика Зайончковского». Но, конечно, разговор дошел и до тех статей или очерков (так я и не определила точно жанра), которые пишу для тех, кому еще нет шестнадцати. Ирина Мак спросила:

— На тему детского чтения вы написали целую книгу — «Не для взрослых. Время читать». Будет ли у нее продолжение? Что читать подросткам — тем, кому 12–13? Когда Толкиен и «Гарри Поттер» уже прочитаны, а Сэлинджера оценить пока еще трудно (сужу по своему сыну)?

Вот на этот вопрос я могла ответить совершенно уверенно.

Есть писатель, которого лучше читать именно в обозначенные моей собеседницей годы, — не раньше и не позже.

В то самое время, когда закладывается фундамент воли, выдержки, выносливости, умения стремиться к поставленной цели невзирая на препятствия. Когда надо тренировать свое умение вытерпеть, сцепив зубы, любые физические трудности — холод, голод, усталость.

Словом — когда самое время закалять свой характер, а то можно и опоздать навсегда.

Тут чтение Джека Лондона — незаменимое подспорье.

А какой это прекрасный, захватывающий писатель, тоже стоит узнать пораньше.

Мариэтта Чудакова

Воля к жизни Джека Лондона

Маша Чудакова

1.

В 1906 году, будучи уже известным писателем, автором десятков произведений, Джек Лондон пишет краткую автобиографию и рассказывает, как после многих лет изнурительного физического труда почти случайно открыл для себя, что «человеческий мозг тоже является товаром, и этот товар тоже имеет свои особенности. Торговец мозгом в пятьдесят-шестьдесят лет находится в расцвете сил, и в это время изделия его ума ценятся дороже, чем когда-либо. А рабочий уже к сорока пяти — пятидесяти годам истощает свой запас сил...

Я находился в подвальном этаже общества и считал это место не подходящим для жилья. Если уж мне нельзя жить в бельэтаже, то стоило попытаться попасть хотя бы на чердак. Я решил не продавать больше мускульную силу, а торговать изделиями своего ума».

Приемный сын фермера Джона Лондона, родившийся в Калифорнии в городе Сан-Франциско, с 14 лет работавший разносчиком газет, рабочим на консервной фабрике, затем матросом на промысловой шхуне, в возрасте 17 лет впервые участвует в конкурсе на лучший очерк и получает первую премию за очерк «Тайфун у берегов Японии» (опубликован 12 ноября 1893 года).

Но знаний явно не хватает — и в 18 лет Джек поступает в среднюю школу (до этого он окончил в 13 лет так называемую начальную). Ухитрившись окончить курс за год, в 1896 году поступает в университет, хотя и ненадолго, — из-за необходимости содержать родителей, их семью. Поработав еще во многих местах, в том числе в прачечной, и побродяжничав по Америке вдоль и поперек — сначала от Калифорнии до Бостона, а затем и с севера на юг, — Джек переполнился впечатлениями и характерами. Они требовали перенесения на бумагу.

Тем не менее он не сел за письменный стол, а двинулся на Клондайк (Канада) — там только что были открыты богатые месторождения золота.

И вот именно там Джек Лондон открыл себя как писатель и понял, о чем же он хочет писать. И главное — как.

Так о чем же? Скитания, тюрьма, «Нет бога, кроме Случая, и Удача — пророк его», — так перефразировал он однажды известное изречение. Той важнейшей в его жизни зимой 1897–1898 годов случай и удача сопутствовали юному золотоискателю. Золота он не нашел, зато именно в тех краях встретил героев своих будущих рассказов. Долгой арктической ночью — то есть когда солнце не появляется в течение многих месяцев — в хижине Джека проводили время за беседой охотники и искатели приключений, индейцы и золотоискатели, бродяги. Рассказанные ими истории Джек записывал, а во многом запоминал. Так возникли сюжеты многих его рассказов.

Сейчас она почти в первозданном виде стоит на площади имени Джека Лондона вблизи портовой набережной в Окленде. Полвека назад один канадский поклонник писателя стал разыскивать некий легендарный его автограф на обломке дерева. Разыскал. Потом разыскал хижину, а в ней — одно из бревен, из которого и был вырезан кусок дерева с автографом. И еще — печка, сковородка, лопата... Теперь из хижины сделаны две, в каждой — половина бревен оригинальных. Одна стоит в Канаде, другая — на родине писателя в Окленде. И совсем недалеко — полностью уцелевший совсем небольшой салун: приземистый, с покатым после давнего землетрясения полом, полутемный (как и был!) кабачок, в котором часа-

ми просиживал писатель. А в десятке метров — два памятника: Джек Лондон и Белый Клык. А немного подальше — уходящий за горизонт Тихий, он же Великий, океан.

В этой же хижине среди снегов Джек Лондон проштудировал актуальные книги последней трети XIX века — «Капитал» Маркса и «Происхождение видов» Дарвина: посчитал, что ему не хватает «основательных» знаний.

Теперь надо было понять — как писать? И главное — когда?

2.

И с 1900 года (ему всего 24 года, но ведь и работает он с 14 лет, за плечами — десять лет трудового стажа...) Джек Лондон становится профессиональным литератором. То есть человеком, живущим на заработки от литературного труда.

Произошло это после долгих метаний: принять ли место почтового служащего за 65 долларов в месяц — ведь он может обеспечить свою мать Флору и остальных членов семьи (а ответственность сначала за семью отчима и матери, а потом и за свою собственную он чувствовал с ранних лет)?

И сделать все возможное для осуществления мечты своей жизни — писать.

И решение было принято.

Для большинства из нас Джек Лондон — это автор рассказов «Белое Безмолвие», «Мужество женщины», «Белый клык». Но он писал не только рассказы, а еще статьи и очерки для газет и журналов и романы, — ведь для того, чтобы жить на литературные заработки, писать надо было очень много. Только потом, гораздо позже, Джек Лондон станет самым высокооплачиваемым писателем Америки. Юность же его была тяжелой, полной лишений.

Джек создал себе систему, основанную на железной самодисциплине. Каждое утро, что бы то ни было, он

должен был написать «порцию» — полторы тысячи слов. Потом перепечатать их на пишущей машинке. И только потом — все остальное: путешествия, самообразование, любовь, семья, общение с друзьями — то, что сегодня называют «тусовки».

Так продолжалось 17 лет — и именно так были написаны все его произведения: восемь романов и сотни рассказов. 44 книги были изданы при жизни и 6 — посмертно.

Он рано понял законы творческого труда. Он знал, как нужно писать, чтобы читатель ощущал себя как бы участником происходящего — и чтобы ему в итоге захотелось прочитать и новые книги этого автора, узнать про него побольше!

В одном из писем к другу Клаудсли Джонсу по поводу его рассказа «Философия дороги» Лондон изложил свою философию творчества:

«Вы имеете дело с кипучей жизнью, романтикой, проблемами человеческой жизни и смерти, юмором и пафосом и т. д. Так, ради бога, обращайтесь же с ними подобающим образом. Не рассказывайте читателю о философии дороги (разве что вы сами участвуете в действии и говорите от первого лица). Не рассказывайте читателю. Ни в коем случае. Ни за что. Нет. *Заставьте своих героев рассказать о ней своими делами, поступками, разговорами и т. д.* Только тогда, но ничуть не раньше, ваши писания станут художественной прозой, а не социологической статьей об определенной прослойке общества. И дайте атмосферу. Придайте своим историям широту и перспективу, а не только растянутость в длину (которая достигается простым пересказом).

Поскольку это художественная проза, читателю не нужны ваши диссертации на эту тему, ваши наблюдения, ваши знания как тактовые, ваши мысли и ваши идеи — нет, *вложите все свое в рассказы, в истории, а сами уйдите в сторону* (кроме тех случаев, когда рассказываете от первого лица, как непосредственный участник). Это-то и *создает атмосферу. И этой атмосферой будете сами вы*».

В лучшем из им написанного Джеку Лондону это удалось — самоустраниться из книги и в то же время сделать ее продолжением своего собственного «я». И если вам *на самом деле* интересно, как же пишутся книги, то хотя бы ради этого стоит прочесть роман «Мартин Иден», в котором много страниц именно об этом:

«Читая произведения авторов, достигших успеха, он (то есть Мартин. — М.Ч.) отмечал все особенности их стиля, изложения, построения сюжета, характерные выражения, сравнения, остроты — одним словом, все, что могло способствовать успеху. И все это он выписывал и изучал. Он

не стремился подражать. Он только искал каких-то общих принципов...»

Первые северные рассказы были опубликованы в 1899-м — после возвращения с Аляски. А в 1900-м уже издана первая книга — сборник рассказов «Сын волка». Но не только книги, а все, что он делал, он делал профессионально — от строительства парусника и дома до устройства молочной фермы или собственной семьи.

«В его короткую 40-летнюю жизнь вместились занятия сельским хозяйством на ранчо в Калифорнии; работа в качестве корреспондента во время русско-японской войны, сан-францисского землетрясения 1906 года и мексиканской революции; чтение лекций в Гарвардском и Йельском университетах; постройка парусной яхты «Снарк» и попытка обогнуть на ней земной шар; несколько тяжелых болезней — от цинги до тропической лихорадки — и две женитьбы» (Англо-русский лингвострановедческий словарь «Америка».)

3.

Когда читаешь биографии великих писателей, часто возникает вопрос: что лучше — когда писатель ни в чем не нуждается, имеет «ренту» и пишет, не думая о куске хлеба, или когда он постоянно подгоняем сначала заботой о том, чтобы просто выжить, прокормить семью, а затем — истекающими сроками закладных за велосипед, часы, макинтош и зимний костюм, а потом уже и за дом?

Замечательный исследователь литературы Виктор Шкловский, цитируя Достоевского, сетовавшего, что если б его не подгоняли долги и он имел бы имение, как Тургенев, то писал бы не хуже Тургенева, заключил лаконично: «Писал он лучше».

Рассказывая, как Джек Лондон путем колоссальных усилий выбился из нищеты, автор лучшей его биографии «Моряк в седле» Ирвинг Стоун описывает 1907 год, когда у Джека Лондона вышли четыре книги — а писателю был всего 31 год! — и размышляет об этом так: «Все это было написано ради денег, которые требовалось вложить в «Снарк» (знаменитый парусник писателя, построенный по его проекту и с его участием).

Высокое совершенство этих произведений свидетельствует о том, что иные пишут лишь во имя литературы, не помышляя о такой скверне, как деньги, и получается чепуха, в то время как другие пишут ради денег и творят подлинную литературу. Определяющим фактором здесь служит талант, а не то, как человек намерен распорядиться вознаграждением за этот талант. Джеку Лондону были свойственны любовь к правде, смелость говорить то, что он чувствовал и думал, и он был образованным человеком.

Это сочеталось в нем с даром природного рассказчика, созревшим в результате неустанной работы. То обстоятельство, что он нуждался в деньгах, не заставило его снизить требовательность к себе — он всегда был уверен в том, что хорошая работа стоит хороших денег».

Но иногда достигнувшего славы писателя сторожит опасность, с которой трудно бороться: разочарование.

Нечто автобиографическое сквозит в словах едва ли не центрального героя Джека Лондона Мартина Идена, когда к нему, известному и богатому, приходит Руфь, отвергнувшая его, когда он был беден:

«— Отчего же вы раньше на это не решились? — спросил он сурово. — Когда я жил в каморке. Когда я голодал. Ведь тогда я был тем же самым Мартином Иденом — и как человек и как писатель... Я тот же! У меня та же голова, плечи, те же десять пальцев на руках и ногах. Никакими новыми талантами или добродетелями я не могу похвалиться... Ценность моей личности не увеличилась с тех пор, как я жил безвестным и одиноким. Так почему же теперь я вдруг стал желанным гостем? Несомненно, что нужен людям не я сам по себе... Значит, они ценят во мне нечто иное... — то, что я получил всеобщее признание. Но ведь это признание вне меня. Оно существует в чужих умах. Кроме того, меня уважают за деньги... Но и деньги эти тоже вне меня. Они лежат в банках, в карманах всяких джонов, томов и джеков. Так что же, вам я тоже стал нужен из-за этого, из-за славы и денег?..»

4.

Ирвинг Стоун пишет:

«Он всегда говорил: «Хочу пожить недолго, но весело». Сверкнув по небесному своду двадцатого века слепящей кометой так, чтобы отблеск его идей сохранился в каждой человеческой душе. Гореть ярким, высоким пламенем, сгореть дотла, чтобы смерть не застала его врасплох, пока не истрочен хотя бы медный грош, не доведена до конца последняя мысль. Не засиживайся в обществе собственного трупа; дело сделано, жизнь кончилась — раскланивайся и уходи».

Таковы и его герои — живут не всегда долго, но жизнь их полна событий. И жизнь героя книги (пса или человека, неважно) начинается как бы вдруг, с любого места — в тот момент, когда автор ее увидел и решает показать нам:

«Бэк не читал газет и потому не знал, что надвигается беда — и не на него одного, а на всех собак с сильными мышцами и длинной теплой шерстью. И все оттого, что люди, ощупью пробираясь сквозь пещерный мрак, нашли желтый металл, а пароходные

и транспортные компании раструблили повсюду об этой находке, — и тысячи людей ринулись на север». («Зов предков» — книга о том, как собака превращается в волка.)

С какого-то момента Джек Лондон мечтал о своем доме. И выстроил его. Он так много написал про волков и собак, что его друг Джордж Стерлинг дал ему прозвище — «Волк». И когда стал строиться в 1911 году дом его

... Однако лучше все-таки кончить не на этой печальной ноте, а на романе, написанном в последний год жизни писателя и до сих пор волнующем читательские сердца, — загляните в Интернет, и вы сами убедитесь в этом. Роман называется — «Маленькая хозяйка большого дома».

«...Читала я эту вещь довольно давно, но до сих пор хранятся замечательные воспоминания. Очень трогательная книга», «Джек Лондон — один из моих самых любимых авторов. “Хозяйка” — единственный роман, который не смогу перечитать еще лет 20... Читала роман в 10 лет, но помню все свои чувства до сих пор, и сил все это пережить еще раз просто нет»; «Великолепная книга. Читать обязательно, особенно в период собственных переживаний (конечно, не принимая как руководство к действию). Любовь есть, любовь с большой буквы! И есть люди с такой открытой душой! Прочитайте прямо сегодня ночью...»

«— Где же мой мальчик? — кричал Дик, топя и звеня шпорами по всему Большому дому в поисках его маленькой хозяйки.

Наконец он дошел до двери, которая вела во флигель Паолы.

...Дверь распахнулась.

— Где мой мальчик? — крикнул он опять и затопал по длинному коридору.

...— Где мой мальчик? — кричал он, проходя под воротами как раз в ту минуту, когда, огибая кусты сирени, подъехал лимузин.

— Черт меня побери, если я знаю, — ответил сидевший в машине высокий белокурый человек в светлом летнем костюме; и через мгновение Дик Форрест и Иван Грэхем

пожимали друг другу руки».

И далее на наших глазах лепится внешний облик *настоящего американца* — в формировании его Джек Лондон (включая его собственную внешность), на мой взгляд, сыграл не последнюю роль:

«Грэхэм был почти одного роста с Форрестом, может быть, выше на какой-нибудь дюйм, но зато уже в

плечах и груди и волосы светлее; глаза у обоих были почти одинаковые — серые, с голубоватым белком, и лица их покрывал одинаковый здоровый бронзовый загар. Черты лица у Грэхема казались несколько крупнее, чем у Форреста, разрез глаз чуть удлиненное, что, однако, скрадывалось более тяжелыми веками. И нос его был как будто прямее и крупнее, чем у Дика, и губы алее и точно слегка припухли.

Волосы у Форреста были ровного светло-каштанового оттенка, а волосы Грэхема, без сомнения, отливали бы золотом, если бы они так не выгорели на солнце, что казались песочного цвета. Скулы у обоих слегка выступали, но впадины на щеках Форреста обозначались резче; носы были с широкими нервными ноздрями, рты крупные, по-женски красивые и чисто очерченные; вместе с тем в них чувствовались затаенная сила воли и суровость, так же как и в крепких, крутых подбородках».

А вот и та, кого искал хозяин дома.

«Они выехали на залитую ярким солнцем лужайку, и Грэхему открылось необыкновенное зрелище.

Середину обсаженной деревьями лужайки занимал большой квадратный бетонированный бассейн». И в нем, «как раз посередине, огромный гнедой жеребец, мокрый и блестящий, взвившись на дыбы, бил над водой копытами, и мокрая сталь подков блестела в солнечных лучах. А на его хребте, соскальзывая и едва держась, белела фигура, которую Грэхем в первую минуту принял за прекрасного юношу. И только когда жеребец, вдруг опустившийся в воду, снова вынырнул благодаря мощным ударам своих копыт, Грэхэм понял, что на нем сидит женщина в белом шелковом купальном костюме, облежавшем ее так плотно, что она казалась изваянной из мрамора. Мраморной казалась ее спина, и только тонкие крепкие мышцы, натягивая шелк, извивались и двигались при ее усилиях держать голову над водой. Ее стройные руки зарылись в длинные пряди намокшей лошадиной гривы, белые округлые колени скользили по атласному мокрому крупу, а пальцами белых ног она сжимала мягкие бока животного, тщательно стараясь опереться на его ребра.

...Когда она, чтобы не сползти со спины жеребца, прижалась щекой к его выгнутой шее, ее распустившиеся мокрые золотисто-каштановые волосы переплелись и смешались с его черной гривой. Но больше всего поразило Грэхема ее лицо: это было лицо мальчика-подростка — и лицо женщины, серьезное и вместе с тем возбужденное и довольное игрой с опасностью...»

С этого все и начинается...

мечты, соседи стали называть его Домом Волка. В жаркую летнюю ночь августа 1913-го соседний фермер увидел красный отблеск на небе в той стороне. А Лондон спал в коттедже в полумиле от дома. Они вскочили на коней и поскакали к дому. Но он уже догорал.

Хозяин хотел восстановить дом. Но Судьба не выделила ему на это жизненного времени.

ПНР, моя панорама

Андрей Хржановский

Есть в языке кинематографистов словечко ПНР. Этим сокращением обозначается обзорное движение камеры, панорама. Вот и я мысленно делаю такое движение, оглядывая свою комнату...

Самый дорогой Эраст

Я вижу шкаф с книгами по искусству, доставшимися мне в наследство от моих старших друзей — Эраста Павловича Гарина и Хеси Александровны Локшиной.

Однажды я был в гостях у Гариных. Это случилось вскоре после того, как на Международном кинофестивале в Каннах был показан фильм «Ведьма» по рассказу Чехова, в котором Гарин сыграл роль Дьячка. Игра Гарина была отмечена специальным призом жюри, о чем нас оповестила отечественная пресса.

Посреди вечера раздается телефонный звонок. Гарин берет трубку, слышит голос на другом конце провода, и лицо его освещается нежной улыбкой. Он слушает собеседника, продолжая смущенно улыбаться, и только приговаривает в ответ: «Спасибо, Пердочка... Спасибо, Пердочка...»

Когда кладет трубку, сообщает: «Звонила Пера Аташева, вдова Эйзенштейна, поздравляла с каннской наградой...»

Среди книг, стоящих у меня на полке, есть одна — из библиотеки Эйзенштейна: «Sittengeschichte des Theaters». Беря книгу в руки, я вспоминаю о том, что Эйзенштейн и Гарин вместе учились в Высших театральных мастерских у Всеволода Мейерхольда и были любимыми учениками Мастера.

Эраст Гарин и Хеса Локшина в Ленинграде. Фото из архива автора

Книга богато иллюстрирована работами художников, столь любимых Гариным, Эйзенштейном и их Учителем. На форзаце — автограф Перы Моисеевны Аташевой: «Самому дорогому Эрасту из всех Эрастов с любовью — Пера. 1953».

Шляпа от «Маргариты»

... А эта вещь принадлежит моей жене Маше. Появлением этой вещи в нашем доме мы обязаны дружбе с замечательными «стариками» — Сергеем Александровичем Ермолинским и Татьяной Александровной Луговской.

С. А. Ермолинский дружил с Булгаковым, и когда Михаила Афанасьевича сразил смертельный недуг, Сергей Александрович вместе с женой М. А. Еленой Сергеевной не отходил от постели друга. Перу С. Ермолинского принадлежат мемуары, в которых описаны их встречи и эти самые последние дни автора «Последних дней» — пьесы о Пушкине.

После смерти Булгакова Елена Сергеевна продолжала дружить с Сергеем Александровичем, женившись к тому времени на сестре поэта Владимира Луговского Татьяне Александровне — талантливой художнице и, как оказалось впоследствии, незаурядной писательнице, написавшей на склоне лет свои воспоминания о детстве. Эту книгу такой строгий и авторитетный ценитель, каким был писатель Вениамин Каверин, отнес к числу трех лучших в русской литературе книг о детстве.

Дружба Татьяны Александровны и Елены Сергеевны продолжалась много лет, вплоть до ухода из жизни Елены Сергеевны.

Е. С. Булгакова любила делать подарки. Сергею Александровичу она подарила перстень М. А. Булгакова. А среди подарков, сделанных Татьяне Александровне, была элегантная шляпа, привезенная Еленой Сергеевной из Парижа, — кажется, это был ее первый выезд за границу.

Незадолго до своей смерти Татьяна Александровна подарила эту шляпу из черного велюра, с черной шелковой лентой вокруг тульи и такой же окантовкой полей, моей жене, к которой она относилась с особой любовью. И хотя шляпа эта представлялась Маше не вполне совместимой с ее обликом, скорее застенчивым, чем горделивым, она все же попробовала однажды надеть ее. Но как только она вышла на улицу, поднялся сильный ветер, который сорвал шляпу с головы и понес вдоль улицы. Маше удалось ее догнать и водрузить на постоянное место, как-то, как порт приписки для отслуживших свой век исторических судов, явился старый платяной шкаф.

Иван и Федор

Продолжаю путешествие по книжным шкафам. В одном из них живут два моих старинных друга — Иван и Федор. Это тряпичные куклы. Сшила мне их моя иркутская бабушка, когда я с мамой оказался в эвакуации на ее родине — в Иркутске.

Это сейчас я могу наблюдать, как одна из самых больших емкостей, кубатурой своей не намного уступающая платяному шкафу в квартире, где живет мой десятилетний внук, доверху заполнена игрушками — мягкими и жесткими, надувными и механическими, пластиковыми и электрическими. Часть этих игрушек — подарки любящих бабушек и дедушки, которые порадовали прежде всего самих себя возможностью доставить радость своему любимому внуку.

Во времена же моего раннего детства, сошедшего с началом войны, картина была иная. Мы

довольствовались по большей части самодельными игрушками. Иван — в красной рубашке, черных штанах и черной шапке, был шофером. Федор был одет в матроску с гюйсом. Федоровское лицо ода-рил глазами и ртом неумелый его владелец трех лет отроду.

Насчет профессии Ивана у бабушки сомнений не было: я, как всякий мальчишка, был помешан на автомобилях и с благоговением смотрел как на чуда-деев на тех, кто ими управляет.

В детстве я страдал отсутствием аппетита (как бы это усовершенствовало мою жизнь сегодня!). Хотя как-то покормить меня удавалось бабушке исключительно под рассказы о том, какой — пока я спал — приезжал автомобиль, и какого у него цвета были колеса, а какого — руль, и во что был одет шо-фер (полагалась полная раскраска всех деталей его костюма, включая непременный кушак (ну как же: «...сидит на облучке в тулупе, В красном кушаке...»). Таким образом, я давал бабушке надежду на то, что будет съедено ровно столько ненавистной мне ман-ной каши на воде, сколько цветов будет задейство-вано в ее описании явления шофера за рулем полу-торки, или даже автобуса (чаще всего — голубого).

Отец, вернувшийся после войны из Германии, где он оказался в составе фронтовой бригады арти-стов, привез мне в подарок три крошечных гоноч-ных машинки: красную, синюю и белую. Машинки различались по форме и по названиям, которыми обозначил их отец: додж, бьюик и шевроле.

Не знаю, что мне больше понравилось, — цвет машинок или их названия. Это были, наряду с двумя тряпичными куклами, самые любимые мои игрушки.

Что касается машинок, то они оставались лю-бимыми даже тогда, когда я лишился их. Сердоболь-ная моя мама, дабы не поддерживать во мне ин-стинкт собственника, имела обыкновение, не опов-ещая меня об этом, дарить мои куртки, рубашки (ею же, по большей части, и сшитые) и игрушки, когда я, по ее мнению, из них вырастал, — другим детям из разряда неимущих.

Уж не знаю, как этой участи избежали Иван и Федор, мои товарищи, наперсники моих детских забав, изделия волшебных бабушкиных рук и тер-пеливые свидетели ее усилий, сходных с усилиями героини одного из первых фильмов братьев Люмь-ер под названием «Кормление бэби».

Искусство и жизнь

Я уже, кажется, рассказывал, как на следующий день после показа моего мультфильма «Стеклянная гармоника» в Госкино — показа, результатом кото-рого явилось запрещение показывать этот фильм где бы то ни было, — я получил повестку из воен-комата. Там мне вручили приказ о призыве в ряды Вооруженных сил и предписание явиться в штаб дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Я направлялся на службу в полк морской пе-хоты в должности командира взвода БРУ (батареи реактивных установок). «БРУ так БРУ», — подумал я и двинулся в направлении покосившейся набок де-ревянной развалюхи, насквозь пропахшей крепким табаком, перегаром и трудовым потом взводных командиров. Развалюха эта служила общежитием морской пехоты — любимого рода войск тогдаш-него Командующего флотом Советского Союза ад-мирала Горшкова.

Хорошо помню первую ночь, проведенную в общежитии. Вернее, пробуждение после этой ночи. Спал я крепко, несмотря на дружный храп соседей,

утомленных трудами по боевой подготовке и усво-ению принятой после этих трудов дозы горячего. Я даже видел сладкие сны, какие видел Ванька Жу-ков или заснувшая в парах столярного клея Каштан-ка. В последнем из этих снов я увидел уголок домаш-него очага, покинутого мною сутки тому назад. Там на стене напротив моей кровати висела большая репродукция «Мадонны Литты» Леонардо да Вин-чи. Ее восхитительные черты, умиротворенность и нежность, которыми был проникнут этот образ, почти слышимая как музыка гармония красок — вот что я видел перед глазами в последнее мгновение перед тем, как их открыть.

А открывши их, я лежал несколько секунд в изумлении, похожем на шок, сился понять, где я нахожусь и как я здесь оказался. Глазам моим пред-стал огромный обрубок чьей-то лысой головы с острой бородкой — так выглядят профили с усечен-ной шеей, выдавленные на медалях. Из-за головы выдвигались шеренги солдат в касках с автомата-ми Калашникова наперевес. Внизу была подпись: «Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути. В коммунистической бригаде с нами Ленин впер-еди». Этот плакат был прикреплен к стене с рваны-ми обоями. Он служил единственным украшением офицерского жилья.

В казарме, где располагалось мое подразде-ление, я увидел много других плакатов. На них было подробно изображено, что надо делать солдату и матросу в случае химической (газовой) атаки или атомного удара.

В одном из помещений висел в раме «Макет ударно-спускового механизма АКМ» (автомата Ка-лашникова модернизированного). Макет этот представлял собой комбинацию выкрашенных в разные цвета металлических деталей и был дейст-вующим, так что если вы передергивали затвор, курок приводился в состояние взвода, и весь меха-низм находился в ожидании «выстрела», который происходил у вас на глазах, как только вы надавли-вали пальцем на курок.

Этот макет походил на лучшие образцы со-временного искусства — все эти «контррельефы», «ассамбляжи», «инсталляции». Да по сути дела он и являлся произведением искусства, воистину неве-домым шедевром.

Когда подошли к концу два года моей службы, командир выразил искреннее огорчение по поводу того, что я возвращаюсь на гражданку. (Надо заме-тить, что все мои бывшие сослуживцы — взводные командиры вышли в отставку в генеральском зва-нии — вот от какой карьеры я отказывался.) Желая все же, вместе с Почетной грамотой за отличную службу и медалью «За отвагу», еще чем-то отметить мой вклад в боевую и политическую подготовку личного состава, командир приказал дежурному матросу снять со стены макет ударно-спускового механизма и доставить его в офицерскую комнату. «Пусть твой курок всегда будет на взводе», — про-никновенно пожелал комбат и вручил мне предмет моего восхищения.

С тех пор он висит над дверью в моей москов-ской квартире. Друзья-художники, заходя в гости и видя этот макет, не сговариваясь, произносили одну и ту же фразу: «Кабаков отдыхает!». А кто-то даже сказал: «Кабак увидит — застрелится!»

Однажды ко мне в гости пришел Илья Каба-ков. По-счастью, он не застрелился, а только вос-хищенно цокал языком, глядя прищуренными гла-зами на этот шедевр. Вскоре он покинул родину. И там, за ее пределами, видимо, не только отдыхает, но и много, как известно, и успешно работает.

Сказка о табу

Редьярд Киплинг

Перед вами еще одна сказка Киплинга, не известная пока русскоязычному читателю. «Сказка о табу» была написана в 1898 году, но вышла только пять лет спустя и также, как и написанная гораздо позже сказка «Хам и Дикобраз» (перевод ее был опубликован в № 12 нашего журнала за прошлый год), не печаталась в прижизненных изданиях сборника «Сказок просто так».

«Табу» — третья, заключительная сказка миницикла о Тегумае и его дочке Таффи, куда входят «Как было написано первое письмо» и «Как был создан алфавит». Прототипами главных героев этих сказок, Таффи и Тегумая, были сам Киплинг и его старшая дочка Джозефина (Эффи): «Давным-давно, в незапамятные времена, милые мои, жил на свете первобытный человек. Жил он в пещере, еле прикрывал свое тело, не умел читать и писать, да и не стремился к этому. Лишь бы не голодать — вот все, что ему было нужно. Звали его Тегумай Бопсулай, что значит “человек, который не спешит ставить ногу вперед”; но мы для краткости, милые мои, будем называть его просто Тегумай. Жену его звали Тешумай Тевиндро, что значит “женщина, которая задает множество вопросов”; но мы для краткости, милые мои, будем называть ее просто Тешумай. Их маленькую дочку звали Таффимай Металлумай, что значит “шалунья, которую надо наказывать”; но мы для краткости, милые мои, будем называть ее просто Таффи».

В издательстве «Октопус» готовится к печати первый на русском языке полный сборник «Сказок просто так». В него войдут хрестоматийные переводы Чуковского и Маршак (семь сказок и пять стихотворений), а остальные сказки и стихи выйдут в новых переводах (в частности, «Краб, который играл морем», перевели Вадим Левин и Рената Муха).

Самая важная из всех историй про Тегумая Бопсулая и его любимую дочку Таффимай Металлумай — это история про табу Тегумая и про табу всего тегумайского племени.

Слушай, внимай и запоминай, мой милый мальчик, мы-то с тобой в табу знаем толк, ты и я.

Таффимай Металлумай (но ты можешь по-прежнему звать ее «Таффи») ходила со своим отцом Тегумаем в лес на охоту. Каждый знает, что в лесу, когда охотишься, нужно вести себя тихо и спокойно. Но Таффи никогда не вела себя спокойно — нет, она вела себя очень беспокойно. Она (представь себе!) плясала на опавших листьях и обламывала сухие ветки; она (представь себе!) съезжала с крутых откосов и рыла в песке канавы и ямы; она шлепала прямо по лужам и болотам; и ты даже представить себе не можешь, сколько от нее было шума! И все животные, на которых они с папой охотились, — и белки, и бобры, и выдры, и барсуки, и олени (и кролики, конечно, тоже), — все они знали, что идут Таффи и ее папа, и разбежались кто куда.

И тогда Таффи говорила:

— Ой, папочка, прости меня, пожалуйста.

А Тегумай ей отвечал:

— Что нам толку от твоего «прости»? Белки разбежались, бобры ушли под воду, олени умчались прочь, а кроли-

ки запрятались глубоко в норы. Тебя бы надо хорошенько отшлепать, о Дочь Тегумая, и я бы тебя отшлепал, если бы не любил так сильно.

И тут Тегумай увидел белку, которая болтала и стрекотала на высоком ясене, и сказал:

— Тс-с! Вон сидит наш ужин, Таффи, только смотри его не спугни.

— Кто? Где? Покажи мне, покажи скорей! — прошептала Таффи так хрипло и сипло, что посрамила бы паровозный гудок; и она, как *моциональный* ребенок, заметалась по лесу, ломая папоротники; а белка, взмахнув хвостом, кинулась скакать по деревьям и доскакала без остановки до середины Суссекса.

Тегумай ужасно разозлился. Он стоял и думал, как ему наказать Таффи: то ли сварить ее живьем, то ли спустить с нее шкуру, то ли покрыть татуировкой с головы до пяток, то ли обрить ее наголо, то ли отправить вечером спать, не поцеловав на прощанье; и пока он так стоял и думал, мимо проходил главный вождь всего тегумайского племени, с орлиными перьями в волосах и раковинами на лбу. Главный вождь был еще и главным тегумайским специалистом по ритуальной и прикладной магии, и они с Таффи были почти что приятели.

— Что случилось, о наилучший из Бопсулаев? — спросил главный вождь. — По-моему, ты сердисься.

— Да, я очень сержусь, — сказал Тегумай. И он поведал главному вождю о том, как беспокойно и неспокойно ведет себя Таффи в лесу: как она пугает дичь; как она шлепается в болото, потому что вечно оглядывается на бегу; как она падает с деревьев, потому что не держится обеими руками; и как она пачкает ноги в болотной ряске, а потом по всей Пещере остаются несмываемые зеленые следы. Главный вождь качал головой все сильнее, так что его раковины застучали, а орлиные перья затрещали, а потом сказал:

— Так, так! Я поразмыслию об этом, но попозже. А сейчас, о Тегумай, я хочу обсудить с тобой одно очень важное дело.

— Говори, о Главный вождь! — сказал Тегумай, и оба чинно уселись на землю.

— Подумай и обдумай, о Тегумай, — сказал главный вождь. — Тегумайское племя чрезмерно и непомерно ловило рыбу в реке Вагай. И вот, взгляни на последствия: в ней не осталось ни больших карпов, ни маленьких; даже карасей, и тех не осталось! Как ты думаешь, не наложить ли нам на реку Вагай большое племенное табу, чтобы целых полгода в ней никто ничего не ловил?

— Это хорошая мысль, о Главный вождь, — сказал Тегумай. — Но какие будут последствия для тех, кто нарушит табу?

— А последствия, о Тегумай, будут вот какие, — ответил главный вождь. — Мы вразумим нарушителей палками, и жгучей крапивой, и комьями грязи; а если и это не поможет, мы возьмем устричные раковины и их острыми краями прочертим на спинах нарушителей тонкие линии племенных орнаментов. Пойдем же, о Тегумай, и провозгласим и наложим на реку Вагай наше племенное табу.

И они пошли к главной штаб-пещере главного вождя, где хранились все магические предметы и принадлежности тегумайского племени, и вытащили деревянный столб большого племенного табу; сверху на нем был вырезан Тотемный Бобер тегумайского племени и другие звери, а ниже — все племенные знаки табу.

И вот они принялись созывать все тегумайское племя. Они трубили в большой тегумайский рог, и он дудел и зудел; они били в малый племенной барабан, и он грохотал и рокотал; они гудели в среднюю тегумайскую раковину, и она выла, вопила и торопила.

Таффи позволили бить в малый племенной барабан, ведь они с главным вождем были почти что приятели, и получился бесподобный шум.

Когда все племя собралось перед пещерой, главный вождь проговорил, и прокричал, и пропел:

— Слушай же, о тегумайское племя! Мы бездумно и неразумно рыбачили в реке Вагай, так что распугали всех карпов. Поэтому в реке Вагай целых полгода никому нельзя ловить рыбу. Вся река теперь табу — и оба ее берега, и русло, и все ее острова и отмели. Нельзя даже подходить к ней с острой ближе, чем на десять мужских шагов. Река Вагай — табу, табу и еще раз табу! Она табу на весь этот месяц, и еще на два, и еще на целых три месяца. Вся река — одно сплошное табу, о тегумайское племя! А теперь пойдем и поставим Столб Табу, и пусть никто не говорит, что не видел, не слышал и не знал!

И тогда все участники племенного Собрания разразились дикими воплями и побежали ставить Столб Табу на реку Вагай, и помчались вдоль обоих ее берегов (половина племени по одному берегу и другая половина по другому берегу), и прогнали всех тегумайских мальчишек, которые не пришли на Собрание, потому что ловили раков в реке; а потом все вместе стали восхвалять главного вождя и Тегумая Бопсулая за их мудрость.

Когда все кончилось, Тегумай пошел домой, а Таффи осталась поболтать с главным вождем, ведь они были почти что приятели. Таффи была очень удивлена, ведь она еще никогда не видела, как налагают табу; и она спросила у главного вождя:

— А что взаправду значит табу?

— Табу ничего не значит, пока его не нарушишь, о единственная дочь Тегумая, — сказал главный вождь. — А вот

когда его нарушишь, оно означает удары палками, и комья грязи, и тонкие линии племенных орнаментов, прочерченные на спине острыми краями устричных раковин.

И Таффи спросила:

— А можно мне тоже табу — совсем малюсенькое табу, чтобы я с ним играла?

— Я подарю тебе одно маленькое табу, — хотя бы за то, что ты придумала те говорящие рисунки, из которых когда-нибудь получится алфавит, — ответил главный вождь. (Ты ведь помнишь, как Таффи и Тегумай придумали алфавит? Потому что Таффи с главным вождем были почти что приятели.)

И он снял с себя магическое ожерелье из обломков розового коралла, — а всего ожерелий у него было двадцать два, — и сказал:

— Если ты наденешь это ожерелье на какую-то вещь — твою собственную вещь, — то никто не сможет ее тронуть, пока ты не снимешь ожерелье. Это будет табу только для твоей собственной Пещеры; и если твои вещи будут валяться где попало, то пока ты сама не положишь их на место, табу ничего не будет делать.

— Очень большое тебе спасибо, — сказала Таффи. — Но ты и взаправду думаешь, что оно как-то подействует на моего папочку?

— Разумеется, подействует! Не знаю только, как именно, — сказал главный вождь. — Может, он просто вскрикнет и упадет; а может, его начнет крутить и колотить; или, может быть, он сделает три шага раскаяния и произнесет горестные слова, а потом ты три раза дернешь его за волосы, если захочешь.

— А как оно подействует на мамочку? — поинтересовалась Таффи.

— На мамочек племени никакие табу не действуют, — сказал главный вождь.

— Почему? — спросила Таффи.

— Потому что если наложить табу на мам, то они могут наложить табу на завтрак, обед и вечерний чай, а это будет очень плохо для всего племени. Поэтому еще в давние времена племя решило не устраивать табу для мам, ни на что и никогда.

— Ну хорошо, — сказала Таффи. — Я вот еще что хотела спросить: а вдруг у моего папочки тоже есть табу, которые могут наложиться на меня, — скажем, если я нечаянно их нарушу?

— То есть как? — удивился главный вождь. — Разве твой папа еще ни разу не налагал на тебя табу?

— Ни разу, — сказала Таффи. — Он только сердится и говорит: «Чтоб я больше этого не видел!»

— О! Наверное, он думает, что ты еще маленькая, — сказал главный вождь. — Но когда он увидит твое настоящее табу, то почти наверняка покажет тебе несколько своих настоящих табу.

— Спасибо, что предупредил, — сказала Таффи. — Понимаешь, у меня есть свой садик возле Пещеры, и я хочу, чтобы в него заходили только через вход; если можно, сделай так, чтобы если я повешу ожерелье на дикую розу у входа, а кто-то зайдет не через вход, то пусть он не сможет выйти, пока не попросит прощения, ладно?

— Конечно, конечно, — сказал главный вождь. — Разумеется, ты можешь наложить табу на свой собственный садик.

— Спасибо, — сказала Таффи. — А теперь я побегу домой и гляну, что из этого получится.

Таффи вернулась в Пещеру, когда уже почти настало время обедать. Когда она переступила порог, Тешумай Тевиндро, ее любимая мамочка, не сказала как обычно: «Ты где была, Таффи?» Она сказала: «О дочь Тегумая, заходи и ешь», как если бы Таффи была уже взрослой. И все потому, что мама увидела ожерелье у нее на шее.

Ее папочка, что сидел перед очагом в ожидании обеда, повторил те же слова, и Таффи почувствовала себя очень важной персоной.

Она оглядела Пещеру, чтобы проверить, все ли ее собственные вещи — ее обеденная корзинка, ее болотные грязеступы из бересты, ее копье, и метательная палка, и ее собственная чинительная сумочка из шкурки выдры, с акульими зубами, нитками из оленьих жил и костяными иглами, — все ли они лежат на своих местах. Потом она потихоньку сняла ожерелье и перекинула его через ручку маленького деревянного ведерка, в котором обычно носила воду.

И вдруг мама Тешумай сказала папе Тегумаю:

— О Тегумай! Не принесешь ли ты нам свежей питьевой воды к обеду?

— Конечно, принесу! — сказал Тегумай и схватил ведро Таффи, на котором висело ожерелье. И тут же с криком грохнулся на пол, и скорчился, и покотился по пещере, и вскочил, упал и снова вскочил, и опять упал.

— Дорогой мой, — сказала Тешумай Тевиндро, — сдастся мне, ты случайно нарушил чье-то табу. Тебе не больно?

— Ужасно больно, — сказал Тегумай. Он сделал три горестных шага, и склонил голову набок, и воскликнул:

— Я нарушил табу! Я нарушил табу! Я нарушил табу!

— Таффи, детка, — сказала Тешумай Тевиндро, — должно быть, это было твое табу. Иди-ка, дерни его три раза за волосы, не то ему придется горевать до самого вечера, а ты же знаешь, какой он делается, когда горюет.

Тегумай наклонился, и Таффи трижды дернула его за волосы. Он утер пот со лба и сказал:

— Ну и сильное же у тебя табу, Таффи, честное тегумайское слово! Откуда у тебя такое?

— Главный вождь дал. Он сказал, что если его нарушишь, то тебя будет крутить и колотить.

— Он все правильно сказал. Кстати, а насчет знаков табу он тебе ничего не говорил?

— Нет, — сказала Таффи. — Он только сказал, что когда ты увидишь мое собственное настоящее табу, то и сам, наверное, покажешь мне какие-нибудь свои настоящие табу.

— Совершенно верно, моя дорогая и единственная дочь, — сказал Тегумай. — И кое-что тебя очень удивит — табу Жгучей крапивы, например; или есть еще Черно-Белое табу, — в общем, куча разных табу. А сейчас, Таффи, смотри внимательно. Знаешь, что это такое?

И Тегумай нарисовал пальцем в воздухе вертлявую змею.

— Это знак табу, которое запрещает вертеться за столом во время еды. Это важное табу, и если ты его нарушишь, то тебя будет тоже крутить и колотить; а может, я вообще покрою тебя татуировкой с головы до пяток.

И Таффи просидела смиренно весь обед. Потом Тегумай поднял правую ладонь с плотно сжатыми пальцами.

— Это табу называется «стой-замри». Увидишь его — остановись и замри, что бы ты ни делала. Если съешь — замри, не закончив стежок. Если идешь — замри на месте,

хоть даже с поднятой ногой. Если лезешь по дереву, замри на ветке. И не двигайся, пока я не сделаю вот так.

И Тегумай поднял правую руку и помахал ею у себя перед глазами.

— Это знак «отомри». Как увидишь его, можно снова делать то, что раньше.

— А это что, безожерельевое табу? — спросила Таффи.

— Конечно, нет; его ожерелье красное с черным. Но подумай сама: не буду же я продираться к тебе сквозь папоротник с ожерельем в руках всякий раз, как увижу оленя или кролика, — сказал Тегумай. — Я думал, ты лучше разбираешься в охоте. Да что там — а вдруг мне нужно пустить стрелу прямо над твоим плечом?!

— Да, но как я тогда узнаю, на кого ты охотишься?

— Следи за моей рукой, — ответил Тегумай. — Ты ведь знаешь, что олень, прежде чем убежать, делает три прыжка, вот так, — и он трижды описал дугу, и Таффи кивнула. — Увидишь такой знак — значит, мы встретили оленя. А если я покачаю вверх-вниз указательным пальцем — это кролик.

— Ну да, кролик так и бежит, — сказала Таффи и тоже покачала указательным пальцем.

— Белка — подъем по кругу вверх, все выше и выше.

— Ага, как белка взбирается вверх по стволу. Понятно, — сказала Таффи.

— Выдра — долгий, ровный, прямой взмах рукой, вот так.

— Угу, как выдра плавает в пруду, — сказала Таффи.

— А для бобра — словно я по чему-то шлепаю ладонью.

— Как бобр шлепает хвостом по воде, когда испугается. Понятно.

— Это всё не табу. Это просто знаки, чтобы ты знала, на кого я охочусь. А вот когда я показываю «стой-замри», ты обязательно должна заметить, потому что это важное табу.

— Я тоже могу наложить табу «стой-замри», — сказала Тешумай Тевиндро, которая сшивала оленьи шкуры. — Например, на тебя — если ты слишком разгуляешься перед сном.

— А если я его нарушу? — спросила Таффи.

— Нарушить табу можно только случайно.

— Ну, допустим, я его случайно нарушила, — сказала Таффи.

— Тогда ты останешься без своего ожерелья. Тебе придется вернуть его главному вождю, и тебя опять будут звать не «дочь Тегумая», а просто «Таффи». А может быть, мы поменяем тебе имя на «Табумай Скеллумзулай» — Скверная-девочка-которая-не-умеет-соблюдать-табу, — и очень может быть, что мы не будем тебя целовать утром и на ночь.

— Хм! — сказала Таффи. — Кажется, ничего в них нет интересного, в этих табу.

— Ну, тогда верни свое ожерелье главному вождю и скажи ему, что хочешь снова быть маленькой, о единственная дочь Тегумая! — сказал ее отец.

— Нет, — сказала Таффи. — Ты мне лучше еще что-нибудь расскажи про табу. А можно, у меня будет еще пара табу, просто для себя самой, — но только тех, особых, от которых бывают судороги и корчи?

— Нет, — ответил папа. — Ты еще не доросла до табу, от которых с людьми делаются судороги. Пока что тебе вполне хватит этого розового ожерелья.

— Тогда расскажи мне еще про табу, — попросила Таффи.

— Я хочу спать, доченька. Сейчас я наложу табу Тишины на любые разговоры со мной — до тех пор, пока солнце не сядет вон за тот холм; а вечером мы с тобой пойдем и попробуем поймать пару кроликов. Иди к маме, и пусть она расскажет тебе про другие табу. Как я рад, что ты теперь девочка-у-которой-есть-табу и тебе не нужно по сто раз повторять одно и то же!

Таффи тихо разговаривала с мамой, пока солнце не опустилось за тот самый холм. Тогда она разбудила Тегумая, они собрали охотничьи принадлежности, каждый свои, и отправились в лес. И когда Таффи шла через свой маленький

садик перед Пещерой, она сняла ожерелье и повесила на розовый куст. В садике вместо ограды просто лежали белые камни, но Таффи хотела, чтобы все проходили мимо ее розы, как будто это настоящая калитка; и все племя об этом знало.

— Кого это ты собираешься поймать? — спросил Тегумай.

— Поглядим, когда вернемся, — ответила Таффи. — Главный вождь сказал, что если кто-то нарушит мое табу, то будет сидеть в садике, пока я его не выпущу.

Они прошли через лес, перешли реку Вагай по упавшему дереву и взобрались на вершину безлесного холма, где папоротники так и кишели кроликами.

— Не забывай, что теперь ты девочка-у-которой-есть-табу, — сказал Тегумай, когда Таффи, вместо того чтобы выслеживать кроликов, стала носиться туда-сюда и задавать вопросы; он сделал знак «стой-замри» (мы с тобой знаем это табу — правда, мой милый мальчик?), и Таффи замерла, словно окаменела. Она как раз наклонилась завязать шнурок, да так и застыла со шнурком в руке, не отводя глаз от папы, как и положено во время табу «стой-замри». Наконец Тегумай, который был уже далеко, обернулся и подал знак «отомри». Таффи бесшумно двинулась вперед через папоротники, по-прежнему следя за папиной рукой, и тут перед ней выскочил кролик. Таффи уже замахнулась своей метательной палкой, как вдруг увидела, что Тегумай подал знак «стой-замри», и замерла с занесенной палкой и разинутым ртом. Кролик побежал в сторону Тегумая, и тот его поймал. Потом Тегумай подошел к Таффи, и поцеловал ее, и сказал:

— Моя дочка — самая лучшая из всех дочек на свете! Знаешь, Таффи, вот теперь с тобой охотиться — одно удовольствие.

Они пошли дальше, и очень скоро выскочил еще один кролик. Тегумай его не заметил, зато заметила Таффи — и поняла, что если Тегумай его не спугнет, кролик побежит в ее сторону; и она подняла руку, сделала кроличий знак (чтобы папа понял, что она не шутит) и наложила табу «стой-замри» на папу. Да, мой милый мальчик — она наложила табу на своего собственного папу!

Тегумай, который как раз перелезал через поваленное дерево, так и замер на одной ноге; кролик побежал в сторону Таффи, и она убила его своей метательной палкой; она так разволновалась, что забыла про табу, которое наложила на папу, и Тегумай еще целых две минуты простоял на одной ноге, не смея опустить другую. Потом он подошел к Таффи, поцеловал, подбросил в воздух, посадил к себе на плечо и затанцевал от радости.

— Честное тегумайское слово и честнейшая тегумайская клятва! — воскликнул он. — Ни у кого нет такой распрекрасной дочери, как у меня, о единственной дочке Тегумая!

И Таффи было жутко *польстително* и *гордително*.

Когда они пошли домой, уже почти стемнело. Они добыли пять кроликов и двух белок и еще водяную крысу: Таффи хотела сшить сумочку из ее шкурки. (В те времена купить сумочку было негде, так что приходилось убивать водяных крыс, — но для нас, в наши с тобой времена, водяная крыса такое же табу, как и всякое живое существо.)

— Кажется, мы слегка задержались, — сказал Тегумай, когда они уже почти пришли. — Мама, наверное, будет сердиться. Беги вперед, Таффи! Отсюда уже виден огонь в Пещере.

Таффи побежала домой, и в тот же самый миг Тегумай услышал, как затрещали кусты, и оттуда выскочил большой тощий серый волк и осторожно потрусил вслед за Таффи.

А надо тебе сказать, что все тегумайское племя ненавидело волков и убивало их при первой возможности, потому что волки боялись взрослых, но всегда норовили напасть на детей. Тегумай еще никогда не встречал волка так близко от своей Пещеры.

Тегумай поспешил за Таффи, и волк, услышав его, прыгнул назад в кусты. Таффи вертела водяную крысу и что-то мурлыкала себе под нос, радуясь, что папа снял с нее все табу, — и поэтому ничего не заметила.

Добежав до лужайки перед Пещерой, Таффи увидела, что у самого входа, среди ее роз, стоит кто-то высокий, но уже совсем стемнело, и она не видела, кто это такой.

— Похоже, мое ожерелье и вправду кого-то поймало, — подумала она и побежала скорей посмотреть, кто это стоит, как вдруг раздался папин голос:

— Таффи, замри! «Стой-замри», пока я не подам знак!

И она замерла на месте, с водяной крысой в одной руке и с метательной палкой в другой, и только голову повернула в сторону папы, чтобы не пропустить знак «отомри».

Это было самое долгое «замри» за весь день. Тегумай отошел подальше к лесу; в одной руке он держал каменный метательный топор, а другой рукой делал знак «замри».

Тут Таффи показалось, что сбоку, по траве, к ней крадется что-то серое. Потом это серое остановилось, немножко отползло и снова стало подкрадываться ближе.

И тут мимо ее плеча со свистом, словно куропатка, пролетел папин каменный метательный топор, а еще один топор вдруг вылетел откуда-то из ее садика, и раздался вой, и она увидела большого серого волка, который лежал на траве и подергивал лапами, совсем уже мертвый.

А потом Тегумай схватил ее, и поцеловал семь раз подряд, и воскликнул:

— Мое честное тегумайское слово и честнейшая тегумайская клятва! Такой дочерью, как ты, Таффи, можно не только гордиться, но и хвалиться! Знаешь, кто это был?

— Точно не знаю, — ответила Таффи, — но мне показалось, что это был волк. Я знала, что ты не дашь ему меня тронуть.

— Молодец, — сказал Тегумай, нагнувшись к волку и вынул оба топора.

— О, да это же топор главного вождя! — сказал он, глядя на магический метательный топор с большим нефритовым наконечником.

— Да, это мой, — откликнулся главный вождь из розария Таффи, — и я буду крайне признателен, если ты его мне вернешь. Я пришел с тобой поговорить, не заметил ожерелье на розовом кусте и нечаянно зашел в садик Таффи через ограду. Поэтому, разумеется, пришлось ждать, пока Таффи не придет и не выпустит меня.

И главный вождь, во всех своих перьях и раковинах, сделал три горестных шага, склонил голову набок и произнес: «Я нарушил табу! Я нарушил табу! Я нарушил табу!», — а затем торжественно и величаво склонился перед Таффи, так что его длинные орлиные перья почти коснулись земли, а потом сказал, проговорил и пропел:

— О дочь Тегумая, я видел все. Ты настоящая девочка-у-которой-есть-табу. Я очень доволен тобой. Хотя сначала я

не был доволен, потому что с шести часов вечера стою в твоём садике, на который ты забавы ради наложила табу.

— Нет, не ради забавы, — ответила Таффи. — Я хотела проверить, поймает кого-нибудь мое табу или нет; но я не думала, что такое маленькое табу, как у меня, может поймать такого большого главного вождя, как ты, о Главный вождь.

— Я ведь тебе говорил, что оно настоящее. Я же сам тебе его дал, — сказал главный вождь. — Разумеется, оно настоящее. Но я на тебя не в обиде. Я хочу тебе сказать, моя дорогая Таффи, что согласился бы простоять в твоём садике не с шести часов вечера, а с двенадцати часов дня, лишь бы увидеть, как прекрасно ты выдержала последнее табу «замри». Честное слово Вождя: когда волк крался к тебе через луг, не многие мужчины племени выдержали бы это табу так, как выдержала его ты, Таффи.

— Что ты собираешься сделать с волчьей шкурой, о Главный вождь? — спросил Тегумай, потому что главному вождю по тегумайскому племенному обычаю принадлежит всякое животное, в которое он метнул свой топор.

— Разумеется, отдам ее Таффи на зимнюю накидку; а из зубов и когтей сделаю ей магическое ожерелье, — сказал главный вождь. — А еще я собираюсь вырезать историю про Таффи, волка и табу «стой-замри» на племенной Доске, чтобы все дочери племени ее видели, знали, помнили и понимали.

Потом они, все трое, зашли в Пещеру; главный вождь сел у очага и снял все свои орлиные перья и ожерелья, а Тешумай Тевиндро накормила их превосходным ужином; а когда Таффи настало время отправляться спать в ее отдельную маленькую пещерку, Тегумай и главный вождь заглянули к ней, чтобы пожелать доброй ночи, и решили немножко с ней поиграть, и чуть-чуть повозили Таффи на оленьей шкуре (как, бывает, в наши дни детей возят по полу на каминном коврик), а потом развеселились и стали бросаться подушками из выдровой шкуры, и поломали множество старых копий и удочек, развешанных по стенам, и устроили такой тарарам, что прибежала Тешумай Тевиндро и сказала:

— А ну-ка, замрите! Табу «стой-замри» на вас всех! Неужели вы думаете, что ребенок уснет в этом шуме?

И они уже по-всамделишному пожелали Таффи спокойной ночи, и она легла спать.

Знаешь, что было потом? Потом Таффи научилась всем табу — так же, как и кое-кто из наших знакомых. Она выучила табу Белой Акулы, которое велит быстро съедать свою еду, а не играть с ней (к этому табу, кстати, прилагается белозеленое ожерелье); она выучила табу Рот-на-замке, которое не дает вмешиваться в разговоры первобытных дам, когда они приходят к маме поболтать (а к этому табу прилагается голубое с белым ожерелье); она выучила табу Глазастой Совы, которое не разрешает глазеть на незнакомых (к нему прилагается черно-синее ожерелье); она выучила табу Раскрытой Руки (с абсолютно белым ожерельем, как всем известно), которое запрещает бурчать и ворчать, когда тебя просят что-то дать на время; и она выучила еще пять разных табу.

Но самое главное, чему Таффи научилась и чего никогда не нарушала, даже случайно, — это табу «стой-замри». Вот почему папа, куда бы он ни шел, всюду брал ее с собой.

*Перевод Яна Шатира
Иллюстрации В. Дмитриюка и С. Шведова*

Морской попугай, Федя

Илья Ципин

Федя — бывалый моряк. С ним я познакомился на теплоходе, шедшем к берегу южной Африки. В дальнейшее плавание Федя ходил четвертый год. Его хозяин, корабельный врач, купил этого попугая в Бразилии и всякий раз, отправляясь в плавание, брал его с собой. Не знаю, жил ли он до того у кого-то в доме или обитал в амазонских джунглях. Как рассказывал его хозяин, к морской жизни Федя приспособился очень быстро и уже через две недели бродил по всему кораблю, заглядывая в чужие каюты, выпрашивая лакомства.

Крылья Феде не подрезали, но он и не думал улетать. Правда, на стоянках его запирали в каюте. У него была удивительная зрительная память. Сухогруз — многопалубный, с множеством отсеков, трапов и кают с одинаковыми дверями, перепутать которые очень просто. Но Федор безошибочно находил свой дом и, кажется, знал весь экипаж в лицо. На второй год плавания выучил русский язык и даже пел песни Высоцкого. Особенно хорошо у него получалось «Стрррашно, аж жуть!». Спал в ногах у хозяина, как кошка. Утром подкрадывался к голове хозяина и ждал его пробуждения. Врач притворялся, что еще спит, и не открывал глаза. Тогда Федя осторожно трепал его за мочку уха, приговаривая: «Здррравствуй, ддрружок».

Еще обитал на судне пес Тузик. Как и все дворняги, он не имел собственного жилого помещения и спал под брезентом спасательной шлюпки. Когда Федя выходил на палубу подышать морским воздухом, Тузик подбегал к нему, заискивающе помахивая хвостом. Попугай снисходительно разрешал поиграть с собой, однако соблюдал дистанцию, давая понять Тузику, что они в разных чинах. Федя общался только с комсоставом корабля, а пес водил компанию с простыми матросами. Но у Тузика было свое преимущество перед попугаем. На стоянках корабля пес вместе с матросами сходил на берег. Так что он видел другие страны. Попугай в это время сидел в каюте и с грустью смотрел в иллюминатор, как беспородный пес сходит по трапу, не имея даже загран-

паспорта. Хорошо, что Тузик не умел говорить, а то у Федора, слушающего рассказы пса про виденное на берегу, случился бы удар от зависти.

Когда мы переходили из северного полушария в южное, на корабле устраивали традиционный праздник Нептуна. Моряков, никогда не пересекавших экватор, Владыка Морей обливал морской водой и выдавал

грамоту, свидетельствующую об этом переходе. Была такая грамота и у попугая. Федор важно прогуливался между вновь обращенными, снисходительно поглядывая на них. Он-то принял это крещение четыре года назад.

Постепенно характер Федора стал портиться. Он возмнил себя очень важной персоной. Мало того, что без спроса заходил в чужие каюты, но и брал там любую понравившуюся вещь. Это ему сходило с рук, и Федя становился все более нахальным. На кораблях существует строгая дисциплина. Даже сесть или выйти из-за обеденного стола можно, лишь спросив разрешения у капитана. Попугай не признавал никакой дисциплины. Входя в кают-компанию, не только не спрашивал разрешения у капитана, но и занимал лучшее место. Видно, мнил себя тут чином выше всех.

В конце концов, он так зазнался, что хозяин решил списать его на берег под приговор своего двенадцатилетнего сына, которому, как я думаю, он теперь рассказывает байки о своих морских подвигах.

Сделаем это по-быстрому

Творожная закуска

100 г творога, 1 помидор, 2 зубчика чеснока, зелень по вкусу, соль, перец, майонез и сметана.

Творог размять вилкой. Помидор мелко порезать. Зелень и чеснок измельчить. Соединить все ингредиенты, заправить салат майонезом и сметаной, посолить и поперчить по вкусу.

Этот салат-закуска — вполне самостоятельное блюдо, но можно намазать его на обжаренный хлеб, можно завернуть в лист салата, можно сделать с ним рулетик из кабачка или баклажана. Все это хорошо для пикника.

Салат из красной капусты

Небольшой кочан красной капусты, 300 г консервированного зеленого горошка, 300 г отварной говядины (или курицы, или докторской колбасы), 1 луковичка, майонез, соль, перец.

Капусту нарезать тонкой соломкой. Лук и мясо нарезать маленькими кубиками. Соединить капусту, лук и мясо, добавить горошек, майонез, посолить, поперчить, все перемешать и дать часа два постоять — салат станет еще вкуснее.

Если вы особо следите за калорийностью пищи, замените майонез йогуртом. Можно добавить лимонный сок.

Гранатовый браслет

300 г куриного филе, 300 г картофеля, 300 г свеклы, 50 г грецких орехов, 1 большой гранат, соль, майонез, 2 столовые ложки уксуса.

Куриное филе отварить в подсоленной воде и мелко нарезать. Лук мелко покрошить и замариновать в уксусе. Свеклу отварить, натереть на крупной терке. Орехи мелко порубить. Смешать орехи и свеклу, немного посолить. Картофель отварить, натереть на крупной терке. В центр большого блюда поставить стакан. Вокруг него выложить картофель, смазать майонезом. На картофель выложить филе и лук, смазать майонезом, на филе выложить свеклу с орехами, снова смазать майонезом. На свеклу выложить зерна граната и аккуратно убрать стакан.

Не стоит бояться, что зерна граната будут на зубах скрипеть. На самом деле они придают салату изысканный вкус.

Морковь по-корейски

4 крупные моркови, полстакана грецких орехов, 1 головка чеснока, 50 мл растительного масла, 1 чайная ложка лимонной кислоты, красный острый молотый перец, черный молотый перец, 1 чайная ложка сахара, соль по вкусу.

Морковь вымыть, очистить и натереть на терке. Чеснок очистить и мелко порубить. Морковь посыпать красным и черным молотым перцем, солью, сахаром, добавить растительное масло, дробленые орехи, чеснок и все хорошо перемешать. Добавить лимонную кислоту и снова перемешать. Охладить в холодильнике. Морковь может храниться там неделю, становясь все вкуснее.

Суп с кукурузой

2,5 литра мясного бульона, 3 крупные картофелины, 2 моркови среднего размера, 200 г кукурузы (лучше молодой, но можно взять и консервированную), 1 луковичка, 1 сладкий перец, 400 г белокачанной капусты, зелень, перец горошком, лавровый лист, соль.

Бульон довести до кипения, выложить в него картофель, нарезанный небольшими кубиками. Очистить морковь и лук, порезать морковь тонкими кружочками, лук — мелкими кубиками.

После того как картофель поварится 15 минут, морковь и лук добавить в бульон. Всё варить еще 10 минут. Теперь добавить в суп капусту (нарезанную тонкой соломкой) и сладкий перец (нарезанный мелкими кубиками), вложить кукурузу, перец горошком и лавровый лист. Варить всё до готовности капусты (еще около 15 минут). Посолить по вкусу и высыпать в кастрюлю мелко рубленую зелень.

Быстро, вкусно и устраивает тех, кто на диете.

Суп со шпинатом

3 л мясного бульона, 4 картофелины, 1 морковь, 1 луковичка, 3 вареных яйца, 2 пучка шпината, 1 чайная ложка лимонной кислоты.

Сварить мясной бульон. В готовый бульон вложить нарезанный кубиками картофель. Лук мелко порезать и вложить в бульон. Нарезать морковь кружочками, положить в бульон вариться. Шпинат нашинковать, яйца порезать на кубики, добавить к овощам, когда сварятся. Добавить соль по вкусу и лимонную кислоту. Дать покипеть 2 минуты, после этого оставляем настояться на полчаса.

Суп-крем из шампиньонов

5 картофелин, 300 г шампиньонов, 2 луковички, 500 мл сливок, соль, перец, зелень по вкусу, растительное масло.

Картофель почистить, порезать крупно. Залить водой, чтобы она только покрывала картофель, посолить, отварить до готовности, слить воду. Лук мелко покрошить, обжарить на растительном масле. Добавить нарезанные шампиньоны, немного посолить.

Жарить до тех пор, пока не испарится вся жидкость. Картофель, обжаренные грибы и лук переложить в кастрюльку, измельчить в блендере, добавить сливки, посолить, поперчить. Довести суп до кипения (но не кипятить). Подавая на стол, посыпать зеленью.

Сливок можно взять и больше, и меньше — все зависит от того, какой консистенции суп вам больше всего нравится.

Грибное рагу

400 г шампиньонов, 2 моркови, 1 луковичка, 500 г тыквы, 100 мл грибного бульона, 4 стебля сельдерея, 1 чайная ложка сухого эстрагона, 1 пучок петрушки, 3 столовые ложки тыквенных семечек, растительное масло для обжарки.

Порезать морковь кружочками, а затем каждый кружочек на четыре части. Обжарить на среднем огне на сковороде в течение 5 минут. Лук порезать кубиками. Добавить к моркови, обжаривать еще 5 минут. Тыкву порезать кубиками, добавить к луку и моркови и обжаривать еще 5 минут. Шампиньоны порезать пластинками, сельдерея — дольками, добавить к овощам. Посолить, поперчить, влить грибной бульон. Накрывать крышкой и тушить на слабом огне 15 минут. Семечки подрумянить на сухой сковороде. Готовое блюдо посыпать петрушкой и семечками.

Летом на даче

Дачный сезон в разгаре. Чем и как занять малышей на отдыхе? Продумайте заранее, что вам понадобится. Детские лопатки и леечки — понятно. А еще? Совсем не обязательно приобретать недешевые спортивные комплексы; устроить развлечения на дачном участке можно с помощью простого дачного инвентаря.

Цветы в воде

Налейте в таз или корыто воды. Вместе с малышом нарвите несколько разных по цвету и размеру цветов. Бросьте их в воду и предложите малышу их вылавливать и выкладывать в миску. Можно обычной ложкой, а можно и ложкой с отверстиями. Очень весело, и еще у ребенка развивается координация движений.

Эту игру можно разнообразить. Взять, например, несколько мисок

разного цвета и выкладывать в них цветы, подходящие по цвету. Или в миски разного размера выкладывать цветы соответствующих размеров.

Можно предложить малышу устроить в тазу подводное царство. Скажем, гроты и пещеры из камешков и бутылочных крышечек.

Камешки в воде

Малыши любят собирать камешки. Пусть наберут в ведерко разноцветных камешков и высыплют их в таз с водой. Но сначала пусть отмоют от земли и песка. Обратите внимание ребенка на то, что цветы у нас плавали, а вот камешки утонули: цветы — легкие, камешки — тяжелые.

С чистыми камешками будем играть. Можно брать их из таза лопаткой и укладывать на землю. Например, обложить ими клумбу или небольшое деревце. Или просто провести палочкой по земле линию и выкладывать камешки по ней.

Автомобильные покрышки

Старые покрышки — очень полезная вещь для детской игры. Вкопайте их в землю ребром и плашмя; тогда их можно будет использовать и для того, чтобы переступать по ним, и для того, чтобы пролезать сквозь них, как по тоннелю. Дети обожают такие игры и готовы без конца играть в них, развивая свою ловкость.

Мыльные пузыри

Пуускайте их вместе с малышом. Пусть он сам попробует выдуть пузырь. Если не получается, расскажите и покажите, как дует ветер или как дудят в дудочку. Бегайте за летящими пузырями, пытайтесь поймать их. А потом выпустите пузыри на шерстяную ткань: удивительно — они не лопаются. А еще на пузыри можно наступать ножками!

Вверх по лесенке

Обычная лесенка может послужить отличным спортивным снарядом. Одним концом положите ее на землю, а другим — на небольшое возвышение. А теперь — вперед, перешагивая через ступеньки и поднимая

ноги все выше. Сначала малышу придется помогать, но, сделав несколько попыток, он ловко преодолевать препятствие самостоятельно.

Собери шишки

Двое малышей берут в руки по корзиночке. На земле рассыпаны шишки, их и надо собрать в корзиночки. У кого получится лучше, кто больше шишек соберет в свою корзиночку?

Морковка — отдельно, картошка — отдельно

И здесь у двоих малышей корзиночки. Немного в стороне стоят два ведра, в которых перемешаны морковь и картофель. На этот раз нужно, подбежав к «своему» ведру, набрать из него в корзиночку только морковь или только картофелины и быстро вернуться на место. Кто быстрее выполнит задание, тот и победил.

Одуванчики мои...

Играют трое. В свои корзиночки они должны набрать определенное количество растений, которые им назвали. Один собирает, скажем, одуванчики, другой — выюны, третий — листья подорожника. Опять-таки побеждает тот, кому удастся проделать это быстрее.

Кленовый лист, кленовый лист...

На подносе (или листе картона), который получает каждый из играющих (их может быть двое или трое), лежит кленовый лист, разрезанный на части. Надо из этих частей составить целый лист, да побыстрее — тогда победишь в соревновании. Можно, конечно, и не устраивать соревнования; пусть малыш состязается сам с собой, стремясь выполнить задание за определенное время.

Клюём зёрна, грызём семечки

На земле разбросаны горошины, тыквенные семечки, фасолины. Трём участникам игры дается минута на то, чтобы сложить их в свои корзиночки. Кто больше? (Можно дать задание собирать всё подряд, но можно просить каждого собирать что-то одно.)

Пугают пугала

Несколько малышей становятся в ряд и разводят руки в стороны, изображая пугала. Если ведущий (взрослый или ребенок постарше) кричит: «Воробей!», надо размахивать руками. Если он восклицает: «Ворона!» — пугалу надо хлопать в ладоши. Пугало, не ошибись!

фото
Е. Боковой

Жизнь на Марсе существует, а Землю периодически посещают инопланетяне. К этим выводам пришли

участники «Конференции-Х» — мероприятия, проведенного известными уфологами в Вашингтоне.

Уфологи-активисты уверены, что правительства многих государств скрывают от граждан правду об имеющихся у них сведениях о посещениях Земли представителями инопланетных цивилизаций.

Одним из главных докладчиков на конференции был Пол Стоунхилл. Родившийся в Киеве в 1953 году и в возрасте 13 лет эмигрировавший в США, Стоунхилл посвятил большую часть своей жизни исследованиям паранормальных явлений на территории бывшего СССР. Писатель рассказал корреспонденту «Голоса Америки» о том, что в 1978 году в Советском Союзе была запущена секретная программа по изучению проблемы НЛО: «Первое подразделение проекта, который назывался «Сетка», было академической направленности и существовало при Академии наук СССР. Второе — работало на военную промышленность и находилось под покровительством Министерства обороны».

С развалом Советского Союза прекратила свое существование и программа «Сетка». По рассказам Стоунхилла, другой известный американский уфолог Джордж Нэпп в 1993 году вывез папки с секретными материалами о проекте. Однако, к сожалению, неизвестно, что потом случилось с этими документами.

На конференцию были также приглашены руководители Кидонийского института — образовательно-исследовательского проекта, занимающегося изучением необычных

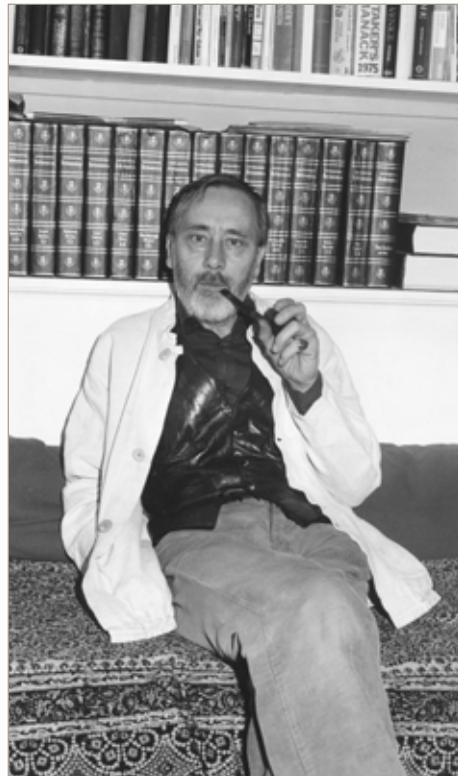
структур на поверхности Марса. «Летом прошлого года спутник НАСА сфотографировал в области Кидонии (в северном полушарии Марса) огромную фигуру попугая. Это уже третий снимок одной и той же структуры. Первые два были сделаны в 2001 и 2006 годах. Подробный анализ этой фигуры был произведен группой независимых экспертов, которые подтвердили 18 признаков анатомической схожести у этого марсианского объекта и земного попугая. Я не понимаю, почему правительство до сих пор отрицает искусственность происхождения объекта», — возмущается директор института Хаас.

Конференция, главной темой которой стал призыв к мировым лидерам рассекретить документы об НЛО, прошла всего лишь через несколько дней после сенсационного интервью одного из известных российских политиков, президента Республики Калмыкия Кирсана Илумжинова о том, что несколько лет назад у него был контакт с пришельцами. Контакт этот произошел на балконе его московской квартиры, куда он вышел после того, как балкон вдруг открылся и его кто-то позвал. «Я бы, наверное, не поверил в это, если бы не три свидетеля: мой водитель, министр, мой помощник». Руководитель Калмыкии не первый политик высокого уровня, который воочию наблюдал НЛО. Экс-президент США Джими Картер еще в свою бытность губернатором штата Джорджия написал два официальных письма о том, что январской ночью 1969 года он наблюдал в небе две светящиеся сферы. Одна была зеленого, вторая — красного цвета. Картер не побоялся негативных политических последствий и смело заявил о своих наблюдениях. Будущий американский президент произнес фразу, которая навсегда вошла в историю наблюдений за летающими тарелками: «Я больше не смеюсь над людьми, которые говорят, что видели НЛО. Я тоже его видел».

На 83-м году жизни скончался английский писатель Алан Силлитоу, яркий представитель так называемого «поколения рассерженных молодых людей». (Хотя сам Силлитоу отрицал свою принадлежность к какому-либо литературному течению.) Алан Силлитоу родился в Ноттингеме в семье рабочего-кожевника. Позднее он не раз описывал нищий быт, окружавший его с детства: «Мы жили в ком-

нате, где все четыре стены насквозь пропахли газом, застарелым жиром и слоями гниющих обоев».

Когда ему было 12 лет, мать сожгла его первый полуавтобиографи-

ческий роман, описывавший его дворянских братьев и сестер, найдя его «чрезмерно натуралистичным».

В 14 лет он ушел из школы и начал работать на велосипедной фабрике в родном городе. В 18 лет поступил в Королевские воздушные войска, был отправлен в Малайю, работал радистом, заболел туберкулезом и полтора года провел в больнице; там начал писать прозу. После путешествия во Францию, Испанию и на Майорку, где он познакомился с поэтом Робертом Грейвсом, Силлитоу написал роман «В субботу вечером, в воскресенье утром», который вышел в свет в 1958 году, а спустя два года был экранизирован (с Альбертом Финни в главной роли). Второй роман Силлитоу, «Одиночество бегуна на длинную дистанцию», повествующий о мятежном юнце с явными легкоатлетическими задатками, также был экранизирован.

Силлитоу всю жизнь прожил со своей женой, американской поэтессой Руфь Фейнлайт. У них сын Дэвид и приемная дочь Сюзан. Писатель избегал светской жизни, говоря, что все, чего он хочет, это «сидеть у себя дома в Лондоне и писать, писать, писать».

Помимо романов и новелл Силлитоу принадлежит несколько поэтических сборников, детских книжек, пьес и киносценариев, а также автобиография «Жизнь без достижений».

Британский поэт Иен Макмиллан, узнав об уходе Силлитоу, сказал, что это был великолепный стилист, чьи работы были пронизаны звучностью слога простой Британии. «Он написал эту прекрасную фразу: “Искусство писателя состоит в том, чтобы объяснить сложность человеческой души с простотой, которая будет понятна всем”. И именно это, как мне кажется, он и сумел сделать».

Население Земли удваивается, а численность видов живого сокращается на треть, что связано с ухудшением состояния окружающей среды вследствие уничтожения лесов Амазонии, уменьшения объемов пресной

воды в озерах, а также разрушения экосистем коралловых рифов». Этот вывод содержится в последнем докладе ООН по биоразнообразию, который ляжет в основу международного саммита, запланированного на октябрь в японском городе Нагоя.

«Мы теряем биоразнообразие невиданными темпами за всю историю», — утверждает Ахмед Джоглаф, исполнительный секретарь Конвенции по биологическому разнообразию. Ученые предупреждают об опасности исчезновения с лица земли 21% млекопитающих, 30% земноводных, 12% птиц, 17% акул и 27% кораллов. В самом тяжелом положении оказались птицы в сельскохозяйственных районах Европы: их число сократилось на 40% как следствие индустриального развития, число морских птиц сократилось на 44% — прежде всего по причине климатических изменений. В докладе ООН содержится обвинение в адрес крупнейших экономик мира: «Они не видят, какую огромную ценность имеет разнообразие видов животных, растений и других форм жизни для функционирования нашей экосистемы, начиная от пресной воды до почвы, от океанов до атмосферы». Утрата биоразнообразия и климатические изменения связаны между собой. Природа — это длинная цепочка, и исчезновение видов, будь то красный тунец, тигр, морж в Тихом океане или бабочка «Монарх», ставит под угрозу всю планету.

На снимке: в окрестностях деревни Батурино (Томская область) на правом берегу реки Тугояковки из грота на склоне холма вытекает и ниспадает каскадом длиной в 40 метров двухметровый водопад «Звездный ключ». Здесь сохранились редкие и исчезающие виды растений — пион поникший, венерин башмачок желтый, венерин башмачок крупноцветковый...

Ф

рагмент ствола знаменитой яблони Исаака Ньютона отправился на околоземную орбиту на борту американского шаттла. Это та самая яблоня, с которой упало яблоко, побудившее Ньютона задуматься о природе силы тяжести и гравитации.

Кусочек древесины, который хранится в архиве британского Королевского общества, был временно передан астроному доктору Пирсу Селлерсу. Майский полет «Атлантика», в состав экипажа которого входил Селлерс, стал последним для этого корабля многократного использования.

Селлерс взял с собой в полет и портрет Ньютона, который был подарен ему Королевским обществом; оно выполняет в Британии функции Академии наук и в этом году, кстати, от-

мечает свое 350-летие. (После завершения полета «Атлантика» портрет и фрагмент ствола яблони возвращены в архив Королевского общества.)

Пирс Селлерс был отобран в команду астронавтов НАСА еще в 1996 году. По его словам, он и другие члены экипажа «гордятся тем, что им была оказана честь доставить на орбиту этот кусочек истории».

Исаак Ньютон вошел в историю как гениальный математик и физик, автор фундаментального труда «Математические начала натуральной философии», в нем он изложил закон всемирного тяготения и три закона, ставшие основой классической механики. Он разработал дифференциальное и интегральное исчисления, теорию цвета и многие другие математические и физические теории.

Первое упоминание о яблоке, которое навело Ньютона на размышления о законах движения физических тел, содержится в книге Уильяма Стакли «Воспоминания о жизни сэра Исаака Ньютона», вышедшей в 1752 году. Ньютон рассказал своему другу Стакли, что это произошло с ним в 1666 году, когда из-за бушевавшей эпидемии чумы ему пришлось покинуть закрытый Кембриджский университет и вернуться в свой дом в графстве Линкольншир, в саду которого он любил размышлять. В то время его занимал вопрос о том, почему Луна вращается вокруг Земли. По словам ученого, именно упавшее яблоко натолкнуло его на мысли о всемирном тяготении, и после этого случая он провел несколько лет, пытаясь обосновать свое открытие.

Закон всемирного тяготения был открыт Исааком Ньютоном в 1667 году на основе анализа движения планет. Закон гласит, что все тела взаимодействуют друг с другом с силой, прямо пропорциональной произведению масс этих тел и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними.

Гойя

1746, 30 марта. В маленькой испанской деревушке Фуэндетодос, недалеко от Сарагосы, в семье золотильщика родился сын Франсиско. Искусство золотильщика было достаточно прибыльным: все изваяния в церквах, деревянные или металлические, обязательно золотились. Больше всего заказов было в Сарагосе, и семья вскоре переехала в город. Многие часы ребенок проводит в соборах, где работает отец, рядом трудятся скульпторы, живописцы. Он занят вопросом, где можно научиться художеству.

1763. Пытается стать стипендиатом мадридской Академии Сан-Фернандо. Ему предложили срисовать гипсового Силена, но он ненавидит слепки, экзамен проваливает.

1766. Новая попытка. На этот раз ему предложили сюжет из истории Испании. И опять провал. Академического образования он так и не получил. Ведет жизнь шалопая и повесы. Впоследствии Гойя признавался, что «он в свое время не уступал тореро, а со шпагой в руке никого не боялся».

1771. Гойя в Риме. Он участвует в конкурсе, организованном Пармской академией. Называет себя римлянином и учеником испанского художника Байеу. Ему нужно написать картину на античную тему. Его хвалят, но награду присуждают другому живописцу.

В этом же году возвращается в Сарагосу. Известно, что он рассказывает о своем пребывании в Риме, но каноники собора дель Пилар обращают на него внимание и поручают исполнить эскизы для плафона капеллы малого хора Девы Марии. Первая же фреска показала силу его дарования и снискала похвалу каноников и внимание высшего арагонского общества.

1773. Франсиско Байеу проникается таким уважением к Гойе, что отдает ему в жены свою сестру Хосефу. Художник называл ее «Пепой». Новые родственники помогают ему получить большой заказ в монастыре Аула Деи — роспись двенадцати больших композиций.

1775. Гойя решил обосноваться в Мадриде, — конечно, для того, чтобы получить заказ в Королевском дворце. Хотя во время посещений дворца он чувствует себя неотесанным мужланом. Ему поручают эскизы картонов с изображением охотничьих сцен для серии шпалер в столовой принца, будущего Карла IV.

1776–1780. Получает заказ еще на несколько картонов, среди них первые шедевры — «Драка в харчевне», «Маха и маски», «Запуск змея», «Зонтик». Они написаны без всякой оглядки на академические шаблоны. Королевская чета находит, что Гойя превосходит фламандца Тенирса. Его представляют всему королевскому семейству. Гойя никогда не был так счастлив.

1884. Покровителем Гойи становится инфант дон Луис, брат короля. Художник создает один из своих шедевров «Семейство дона Луиса». Каждый из изображенных — человек со своей судьбой и характером. Такое впечатление, что художник «читает в сердцах».

1793. Гойя поехал в Севилью и тяжело заболел. Друзья в своих письмах, полных недомолвок, сообщают, что его разбил паралич. После выздоровления он остался совершенно глухим. Это изменило его характер и взгляд на мир. На автопортрете этого времени он выглядит человеком во власти кошмаров. Но кистью он владел по-прежнему виртуозно и работал с необычайной быстротой (портрет писал в три сеанса).

1795. Гойя встречает свою самую знаменитую модель — герцогиню Альба. Предполагают, что художник влюбился в эту красивую, гордую женщину. Именно такой выглядит она на его великолепном портрете — симфонии в красно-бело-черных тонах. Ей нравилось унижать своих поклонников. И художник мстил: он пишет портреты-фарсы, намекая, какой каргой будет герцогиня в старости; беспощаден он к ней и в своих «Капричос».

1799. В феврале было объявлено, что серию офортов Гойи «Капричос» можно купить в парфюмерной лавке. Но инквизиция почти сразу же запретила продажу. В этом собрании иллюстраций к поговоркам, карикатур на представителей высшего общества, изображении шабашей и ведьм торжествует дьявол. Но любители живописи, а среди них и королевская чета, не придали запрету «Капричос» особого значения. Они перекупали проданные экземпляры. Королева заказывает художнику свой конный портрет и остается чрезвычайно им довольна. Назначает Гойю первым придворным художником с очень большим окладом.

1800. Становится домовладельцем; потом он купит еще один дом в Мадриде и сельский дом. В те бурные времена это было хорошее вложение денег. Пишет «Портрет семьи Карла IV» (**репродукция**). Можно было бы смутиться от такого почти карикатурного изображения королевской четы. Но известно, что король не блистал умом, а королеву считали безобразной. По всей видимости, Гойя приукрасил оригиналы, потому что все остались довольны. Гойя умел убеждать; его живопись была драгоценна.

1805–1812. В битве при Трафальгаре Испания теряет свой флот. Наполеон хочет отделаться от последних Бурбонов, царствующих в Испании. Гойя вовлечен в войну, которую вел его народ с французами. Его притягивают картины бедствий и насилия, он пишет «Расстрел в военном лагере», «В госпитале зачумленных», «Разбойники, расстреливающие своих пленников». В знаменитом «Расстреле повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» он стал голосом взбунтовавшегося народа.

В своем сельском доме он сначала расписывает стены пейзажами, а затем на этих пейзажах пишет фантастические сюжеты-видения, исполненные мистического ужаса. Он убежден в неискоренимости зла и роковой обреченности человечества.

1815. Пишет автопортрет, на котором выглядит так, будто он неподвластен времени. Работает над офортами, создает подлинно национальную сагу в серии офортов «Тавромахия», которую через столетие продолжил Пикассо.

1824. По политическим мотивам покидает родину и переселяется в Бордо. Он болеет, слепнет, но живопись не бросает.

1826. Отправляется в Мадрид, добивается от двора разрешения уйти на покой с тем же жалованием, какое получал, с условием навещать во Францию. Вернувшись в Бордо, пишет несколько портретов, создает один из последних своих шедевров — «Молчицу из Бордо».

1828, 16 апреля. Умирает в бордосском доме, успев распорядиться своим состоянием.

Гойя — человек такого сложного характера и такого масштаба дарования, что характеристикам не поддается. Прав был Андре Мальро, сказавший о том, что краски видений Гойи «не имеют иных прав на существование, кроме тех, которые даются его картинами. Он предвосхищает не кого-то из наших художников, а все современное искусство, ибо современное искусство начинается со свободы».

Л. Осипова

